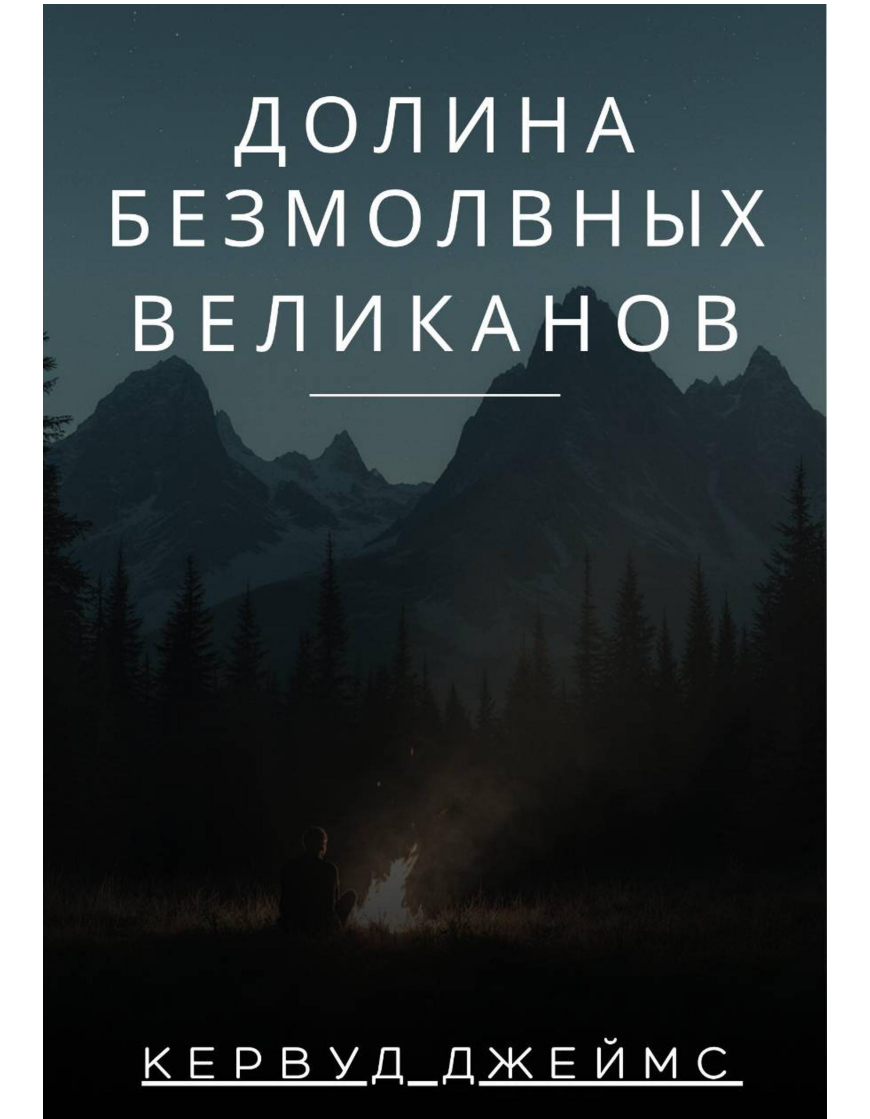

ДОЛИНА БЕЗМОЛВНЫХ ВЕЛИКАНОВ

КЕРВУД_ДЖЕЙМС

Джеймс Кервуд

Долина Безмолвных Великанов

<https://litres.ru/73180163>

SelfPub; 2026

Аннотация

По старой тропе от Эдмонта до Атабаски примерно сто пятьдесят миль. Железная дорога приблизила Пристань к этому очагу цивилизации, но дальше в лесах по-прежнему раздаётся звериный вой, как и тысячу лет назад, и реки, как и прежде, стекают с континента в Северный Ледовитый океан....

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	12
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	54
Глава 6	68
Глава 7	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Джеймс Кервуд

Долина Безмолвных

Великанов

Предисловие

До того как тонкие стальные нити железной дороги прогрызли себе путь через дикие пространства, поселок Пристань на Атабаске служил тем живописным порогом, лишь переступив который можно было попасть в таинственный и полный приключений мир Великого заснеженного Севера. До сих пор индейцы называют эту пристань Искватам, «Дверь»; за ней открывается путь к низовьям рек Атабаска, Невольничья и Маккензи. Пристань эту нелегко найти на карте, и все же она существует. Существует потому, что история ее, насчитывающая более ста сорока лет, полных романтики, приключений и трагедий, записана в сердцах людей. И забыть ее нелегко.

По старой тропе от Эдмонта до Атабаски примерно сто пятьдесят миль. Железная дорога приблизила Пристань к этому очагу цивилизации, но дальше в лесах по-прежнему раздается звериный вой, как и тысячу лет назад, и реки, как и прежде, стекают с континента в Северный Ледовитый океан.

Не исключено, что прекрасная мечта торговцев недвижимостью когда-нибудь сбудется, потому что сюда съехались самые азартные из игроков, которых когда-либо знал мир, — охотники за богатством. Они прибыли по разбитой железной дороге, в поездах, спальные вагоны которых лишь изредка освещаются фонарями; с собой они привезли пишущие машинки, стенографисток, умение делать рекламу и еще золотое правило, которым руководствуются люди, продающие горсть земли доверчивым покупателям где-нибудь за тысячу миль от них: «Поступай с ближним так, как он поступил бы с тобой».

И с их приходом здесь воцарилось освященное законом ремесло натурального обмена и торговли, и те, кто занимался этим, наложили лапу на все сокровища Севера, что лежат между Великими Порогами Атабаски и побережьем полярных морей.

Но еще чудеснее, чем мечты о скором богатстве, легенды о том, что души погибших в глубине лесов уходят все дальше от железных дорог и локомотивов, изрыгающих пар. И если это правда, то, значит, нарушен покой тысяч Пьеров и Жаклин, чьи души покинули могилы на Атабаске и двинулись на Север в поисках успокоения.

Это те самые Пьер и Жаклин, Анри и Мари, Жак и его Жанна, чьи натруженные руки открывали «Дверь» целых сто сорок лет. И сегодня руки эти осваивают дикие просторы, что раскинулись на две тысячи миль за порогом-пристанью

на Атабаске. А к югу от нее гудят паровозы, тянущие поезда с грузами, которые несколько месяцев назад прибыли к Пристани по реке.

И через этот порог взирают на все Пьер и Жаклин, Анри и Мари, Жак и его Жанна, и темные глаза их встречаются с глазами все разрушающей цивилизации, голубыми, серыми и иногда водянистыми. В этом месте странный крик сумасшедшего локомотива сливается с их вековыми речными напевами, угольная пыль оседает на их леса, хрип граммофона вторит *le violon*, а они – Пьер, Анри и Жак, приезжая сюда издалека с драгоценным грузом мехов, уже не чувствуют себя хозяевами земли. И больше не похваляются они своими похождениями, не горланят свои речные песни, сидя в старом кабаке, потому что в Атабаске теперь есть улицы и гостиницы, и школы, и законы, и правила поведения; и все это непривычно и пугает даже самых отчаянных бродяг Севера.

Кажется, еще вчера не было здесь железной дороги, и целый мир лежал между Пристанью и самой северной границей цивилизации. Но вот прошел слух, будто какая-то паровая штуковина прогрызается фут за футом через заболоченные и непроходимые торфяники. И слух этот разнесся на две тысячи миль вверх и вниз по реке и прозвучал как какая-то шутка, какой-то колоссальный розыгрыш, – ни Пьер, ни Анри, ни Жак за всю жизнь не слышали ничего смешнее. И когда Жак хотел выразить Пьеру недоверие, он, бывало, гово-

рил: «Ну, мсье, уж это случится не раньше, чем сия паровая штуковина к нам придет или коровы будут пастись вместе с лосями, а мы станем добывать хлеб свой на болотах».

И пришла «паровая штуковина», и пастбища возникли там, где недавно паслись лоси, а хлеб и впрямь стали выращивать невдалеке от кромки болот. Вот так цивилизация пробила себе путь к поселку Пристань на Атабаске.

К северу от поселка на две тысячи миль простирались владения речников. А сам поселок с двумястами двадцатью семью душами (это до того, как построили железную дорогу) был своего рода «расчетной палатой» дикого Севера, которая утвердилась здесь в самом начале мира. Сюда с юга приходили все грузы, идущие на север. Здесь, на плоском берегу, строились баркасы, которые везли эти грузы на край земли. Отсюда уходили в свой долгий, полный приключений путь большие речные барки. Сюда, через год или даже больше, в барках поменьше или же в огромных каноэ привозили драгоценные меха – плату за грузы.

Так на протяжении почти полутора веков большие суда с длиннющими веслами и шумной командой уходили вниз по реке в сторону Северного Ледовитого океана, а суда поменьше с экипажем еще более отпетых молодцов поднимались вверх по реке к цивилизации. «Река», как ее называют обитатели Пристани, – это Атабаска, берущая начало далеко-далеко, в горах Британской Колумбии, где навеки остались два землепроходца – Баптист и Мак-Леод, которые когда-то дав-

ным-давно пожелали узнать, из какой колыбели вытекает эта река. И течет она, неторопливая и могучая, никуда не заворачивая, прямо в полярные воды. А по ней плывут на север барки. Для Пьера, Анри и Жака – это путешествие с одного конца земли на другой. Кончается Атабаска, и начинается Невольничья река, воды которой вливаются в великое Невольничье озеро, а потом через узкую протоку переходят в реку Маккензи и оттуда, через тысячу с лишним миль, – к морю.

На этом долгом водном пути многое можно увидеть и о многом услышать. Там – жизнь. Там – приключения. Тайны, романтика и Случай. Все истории, которые здесь можно услышать, не уместятся ни в одной книге. Они были запечатлены на лицах мужчин и женщин, могилы которых давно поросли лесом. Трагические повести о любви и битве за жизнь! Вместе с людьми уходят все дальше на север рассказы о случившемся некогда и меняются в пути так же, как люди.

Ибо меняются мир, и солнце, и люди. В июле на Пристани солнце светит семнадцать часов, в Форт-Чипевайяне – восемнадцать, в Форт-Резольюшене, Форт-Симпсоне и Форт-Провиденсе – двадцать один час, а в Форт-Макферсоне, недалеко от океана, – целых двадцать два или двадцать три часа. И столько же времени продолжается в этих местах декабрьская ночь. С приходом тьмы или солнечного света меняются мужчины, меняются женщины, меняется сама жизнь. Пьер, Анри и Жак видят все это, но сами они

не меняются – поют старые песни, лелеют память о былой любви, видят те же сны, поклоняются своим старым богам. Тысячи опасностей встречают они на своем пути, и в глазах их светится любовь к приключениям. Штормы на реке и рев порогов не пугают их. Не знают они и страха смерти. Они играют со смертью, весело вступая в борьбу с ней, и радуются, когда побеждают. Кровь у них густая и горячая. Сердца большие. Душа у них поет, и пение это возносится к небесам. При этом они бесхитростны, как дети, и страхи их – те же, что у детей. В их сердцах живут суеверия, а кровь, которая течет в их жилах, – возможно, королевская. Потому что принцы, и дети принцев, и французские аристократы были теми самыми авантюристами в кружевных манжетах, со шпагой на боку, что пришли сюда двести пятьдесят лет назад за мехами, которые стоили столько, как если бы они были из чистого золота.

И от их имени говорят сегодня их наследники – Пьер, Анри и Жак, а также Мари, Жанна и Жаклин. И рассказывают истории. Порой они рассказывают их шепотом, похожим на шелест ветерка, потому что бывают истории странные и загадочные, которые нельзя рассказывать громко. Истории эти не марают книжных страниц типографским шрифтом. Слушают их деревья, что растут вблизи ночного костерка. Одни истории стали песнями, другие так и переходят из поколения в поколение, от отца к сыну – своеобразные эпопеи дикого Севера. Каждый год очередная история передается

из уст в уста, из одной хижины в другую, с нижнего течения Маккензи до северной Границы Мира, Пристани на Атабаске. Потому что эти три реки – вечный источник романтики, драмы и приключений. Разве можно забыть, как Фоллет и Ладусьер поплыли наперегонки через Пучину Смерти, чтобы завоевать любовь девушки, которая ждала победителя на другом берегу! Или как рыжеволосый гигант Кемпбелл О'Дун из Форт-Резольюшена бился с целой командой барки, когда пытался похитить дочь капитана.

И речники, хоть они и избili О'Дуна, все равно любили его, потому что на суровом Севере ценят смелость и удаль. Люди с суровыми лицами, в глазах которых светится пламя неистребимой веры в чудеса, не устают рассказывать легенды об исчезнувшей барже, которая якобы прямо у них на глазах поднялась в воздух и унеслась в небеса. Взволнованно рассказывают они странную и невероятную историю о Хартсхоупе, блестящем английском аристократе с моноклем, который отправился с каким-то невероятным багажом на Север, связался с индейцами, стал вождем племени Собачьих Ребер и женился на темноглазой индейской красавице с блестящими волосами, которая теперь нянчит его детей.

Но самое глубокое волнение вызывают рассказы о длинной руке Закона, которая протянулась на две тысячи миль от Пристани на Атабаске до ледового океана; рука эта – Королевская Северо-Западная конная полиция.

Одну из таких историй – о Джиме Кенте – мы и собира-

емся рассказать; о Джиме Кенте и о Маретт, прекрасной маленькой богине Долины Безмолвных Великанов. В жилах ее, должно быть, текла кровь воинов и... королев старых времен. История эта из времени до железной дороги.

Глава 1

И тени сомнения не оставалось в душе Джеймса Гренфелла Кента, сержанта Королевской Северо-Западной конной полиции. Он знал, что умирает. Своему другу хирургу Кардигану Кент верил абсолютно, а Кардиган сказал, что время, которое ему отпущено, измеряется уже не часами, а, видимо, минутами, если не секундами. Случай был необычный. Из пятидесяти шансов один был за то, что он проживет два или три дня, и ни одного за то, что проживет больше. С каждым вздохом мог наступить конец. Медицина знала подобные случаи, и исход можно было предсказать.

Сам Кент не ощущал себя умирающим. Зрение его не ослабло, мозг работал. Боли он не испытывал, и лишь изредка у него повышалась температура. Говорил он нормальным, спокойным голосом.

Когда Кардиган сообщил ему, что его ожидает, он только недоверчиво улыбнулся. Из слов Кардигана следовало, что пуля, которую пустил в него две недели назад пьяный метис, пробила грудь и задела дугу аорты, что вызвало аневризму. Все это звучало совсем не страшно и даже неубедительно. «Аорта», «аневризма» – слова эти значили для него не больше, чем «перихондрий» и «стиломастоид», которые также произносил Кардиган. Но у Кента была страсть докапываться во всем до сути, ничего не оставлять непонятым, – свой-

ство, которое и помогло ему завоевать репутацию лучшего сыщика во всей северо-западной службе. Он пристал к Кардигану, и тот объяснил ему все подробно.

Кент узнал, что аорта – это главный кровеносный сосуд, который выходит из сердца, огибая его сверху. Задев аорту, пуля ослабила ее внешнюю стенку, так что образовалось вздутие, как у автомобильной камеры, если пробить покрышку.

– И когда этот мешочек лопнет, – объяснил Кардиган, прищелкнув для наглядности пальцами, – тут тебе и конец.

После такого объяснения поверить значило просто проявить здравый смысл. И теперь, зная наверняка, что умирает, Кент принял решение. Он сделал это совершенно осознанно, прекрасно понимая, какую ужасную память оставит о себе миру или, по крайней мере, той его части, которая сохранит память о нем. О том, насколько трагическим было это решение, Кент не задумывался. За свою жизнь он сотни раз убеждался в том, что смешное и трагическое теснейшим образом связаны между собой, что порой они на волосок отстоят друг от друга. Много раз ему приходилось видеть, как смех переходит в слезы, а слезы – в смех.

Сцена, которая имела место сейчас, здесь, у его скорбного ложа, даже забавляла Кента. Юмор довольно мрачный, но и сейчас, в эти последние отпущенные ему часы, Кент сумел оценить его. И раньше жизнь представлялась ему, в известном смысле, шуткой, очень серьезной, но все-таки шуткой,

этаким капризом Великого Судии, который решил разыграть все человечество. И в эту мрачную и трагическую минуту счет, который выставила Кенту жизнь, покидая его, был самой большой шуткой, выпавшей на его долю. Изумление на лицах людей, которые взирали на него, недоверие, которое сквозило в их глазах, ужас, скрываемый, но все же прорывающийся временами, напряженные взгляды, плотно сжатые губы – все это еще более усиливало то, что в других обстоятельствах называлось бы «драматическим эффектом» его последнего большого приключения.

Он не холодел при мысли о смерти; она не вселяла в него страх, не вызывала дрожи в голосе. За все тридцать шесть лет Кенту ни разу не довелось испытать ужаса от сознания, что однажды ему придется расстаться с обычной человеческой привычкой – дышать. За эти годы, значительную часть которых он провел в местах далеких от цивилизации, Кент создал свою собственную философию, выработал собственный взгляд на вещи, который он держал при себе, не пытаясь навязать другим людям. По мнению Кента, на земле не было ничего дешевле жизни. Все прочее было отпущено в ограниченном количестве.

Так много кругом воды и суши, так много гор и равнин, достаточно квадратных футов земли, на которой нам жить и в которой нас похоронят. Все можно измерить, посчитать, учесть – кроме жизни.

– Дайте им время, – говорил он, – и одна пара челове-

ских особей расплодится на всю вселенную.

А так как нет ничего дешевле жизни, то по его философии выходило, что и расставаться с ней в случае надобности легче легкого.

Все это говорится только для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, что ни в этот момент, ни когда-либо ранее Кент не испытывал страха смерти. Не следует, однако, думать, что он дорожил жизнью меньше, чем человек в соседней палате, которому за пару дней до того ампутировали гангренозный палец, и он бился, как сумасшедший, пока не уснул под наркозом. Никто так не любил жизнь, как Кент. Никто не был к ней ближе, чем он.

Он любил ее страстно. Мечтатель, вечно ждущий чего-то – неважно, сбывались его мечты или нет, – он был оптимистом, он любил солнце, луну и звезды, поклонялся лесам и горам. И все же этот человек, любивший жизнь и не боявшийся сражаться за нее, готов был без вздоха расстаться с жизнью, когда судьбе угодно будет потребовать ее назад.

Кент сидел в постели, окруженный подушками, и совсем не походил на человека, совершившего злодеяние, в котором он только что сознался. Болезнь почти не изменила его. Слегка померк бронзовый загар на резко очерченных скулах, но кожа на них была навеки выдублена ветром, и солнцем, и дымом костра. Разве что взор голубых глаз слегка потускнел в предвидении близкой смерти. Кент не выглядел на тридцать шесть лет, хотя на виске в светлых волосах его видне-

лась полоска седых волос, унаследованная им от покойной матери. Глядя на него, видя, как губы его спокойно произносят слова признания в том, чему нет ни сочувствия, ни прощения, нельзя было поверить, что этот человек – преступник.

Кент смотрел в окно на серебрящуюся воду Атабаски, великой реки, направляющейся к Ледовитому океану. Светило солнце. За рекой виднелись прохладные заросли елей и кедров, холмы и горные кряжи, вздымающиеся над дикой равниной, а ветерок, дующий в открытое окно, приносил в комнату сладкий аромат лесов, которые на протяжении многих лет так любил Кент.

– Это – мои лучшие друзья, – сказал он Кардигану. – И я хочу, чтобы они были со мной, когда случится эта неприятность, которую вы мне пообещали, старина.

А кровать его стояла рядом с окном.

Ближе всех к Кенту сидел Кардиган. В лице его, более чем у других, читалось недоверие. Инспектор Кедсти, заменяющий на время бессрочного отпуска командира Н-ского дивизиона Королевской Северо-Западной конной полиции, был еще бледнее девушки-стенографистки, которая дрожащими пальцами торопливо записывала каждое слово, произносимое людьми, находящимися в палате. Сержант О'Коннор сидел как громом пораженный. Низенький, щуплый, гладко выбритый католический миссионер, присутствия которого в качестве свидетеля потребовал Кент, сидел, крепко сцепив

тонкие пальцы, и молча размышлял о том, что вот еще одну трагедию поведал ему Север. Все они были друзьями Кента, самыми близкими друзьями, – все, кроме девушки, которую Кедсти пригласил специально. С маленьким миссионером Кент провел много вечеров, обмениваясь рассказами о странных и загадочных происшествиях, случающихся в лесной чаще, и о Дальнем Севере, который лежит за этими лесами. С О'Коннором их связывала дружба, возвращенная на лесной тропе. Это в паре с ним Кент отловил в устье Маккензи двух эскимосов-убийц, которых они потом доставили в Атабаску. Кент любил О'Коннора, краснорожего, рыжеволосого человека с большим и добрым сердцем. И самое неприятное для него во всей этой истории было то, что дружбе их придет сейчас конец.

Но больше всех поразил Кента инспектор Кедсти, командир Н-ского дивизиона, самого большого и необузданного на всем Севере. Волнение, которое Кент испытал при виде Кедсти, оказалось даже сильнее ожидания разрыва сердца, который, по словам хирурга, мог произойти каждую минуту. Даже на смертном одре Кент не утратил способности анализировать. Но Кедсти, едва он появился в комнате, озадачил Кента. Командир Н-ского дивизиона был человеком необычным. Шестидесяти лет, седые со стальным отливом волосы, почти бесцветные глаза, в которых долго пришлось бы искать даже проблеск милосердия или страха, и железные нервы (Кент ни разу не видел, чтобы он хоть на мгновение со-

рвался). Именно такой, железный, человек и нужен был, чтобы держать Н-ский дивизион в повиновении. В ведении подразделения находилась территория площадью шестьсот двадцать тысяч квадратных миль самой необжитой части Северной Америки, простирающаяся более чем на две тысячи миль к северу от семидесятой параллели; крайняя точка ее находилась на полградуса севернее Полярного круга. Иными словами, полиция должна была поддерживать порядок на территории в четырнадцать раз большей, чем штат Огайо. Кроме Кедсти, это не удавалось никому.

И все же Кедсти нервничал. Причем гораздо больше остальных. Лицо его было пепельно-серым. Кент обратил внимание, что голос, его временами срывается. Он видел, как руки инспектора сжимают подлокотники кресла, так что выступают синие жилы, которые, казалось, вот-вот лопнут. Никогда еще он не видел на лице Кедсти испарины. Дважды инспектор вытирал пот со лба. Это был уже не Минисак – «скала» – как называли его индейцы племени кри. Панцирь, до сих пор непроницаемый, как будто сполз с него. Это был уже не тот Кедсти, самый грозный сыщик на всем Севере. Он нервничал, и Кент видел, как он старается взять себя в руки.

– Вы знаете, что это значит для нашей службы, – произнес он тихим, но твердым голосом. – Это означает...

– Позор, – кивнул Кент. – Да, я понимаю. Черное пятно на белоснежном мундире Н-ского дивизиона. Но ничего не поделаешь. Я убил Джона Баркли. Человек, которого вы дер-

жите в арестантской и собираетесь повесить, невиновен. Я понимаю, не очень-то будет приятно, когда выяснится, что сержант конной полиции Его Величества – просто обыкновенный убийца, но...

– Не просто убийца, – прервал его Кедсти. – Судя по вашим словам, преступление было преднамеренным, отличалось крайней жестокостью, и ему нет никакого оправдания. Вы не действовали в состоянии аффекта. Вы мучили свою жертву. Уму непостижимо!

– И тем не менее это так, – заметил Кент.

Он наблюдал за тем, как тонкие пальцы стенографистки фиксируют каждое слово, произнесенное им для Кедсти. Солнечный луч скользнул по ее склоненной голове и заиграл в золотистых волосах. Кент перевел взгляд на О'Коннора, но в этот момент командир Н-ского дивизиона склонился над ним и, почти касаясь его лица, произнес так тихо, что остальным было его не слышно:

– Кент! Вы лжете.

– Нет, я не лгу, – возразил Кент.

Кедсти откинулся в кресле и снова вытер испарину со лба.

– Я убил Баркли, – продолжал Кент. – Я все продумал заранее. Я хотел, чтобы он помучился. А вот чего я вам не скажу, – так это почему я его убил. Но на то были свои причины.

Он видел, как дрожь пробежала по плечам девушки, записывающей эти убийственные показания.

– Значит, вы отказываетесь раскрыть мотив преступле-

ния?

– Категорически! Могу только сказать: то, что он мне сделал, заслуживало смерти.

– И вы признаетесь в этом, зная, что умираете?

Улыбка мелькнула на губах Кента. Он взглянул на О'Коннора, и на мгновение глаза того осветились воспоминанием об их былой дружбе.

– Да. Мне сказал об этом доктор Кардиган. Иначе я дал бы вам повесить того арестанта. Просто эта чертова пуля смешала мои карты, а его спасла.

Кедсти обернулся к стенографистке. В течение получаса она читала показания, потом Кент расписался на последней странице. После этого Кедсти поднялся со своего места.

– Мы закончили, джентльмены, – сказал он.

Все направились к выходу. Стенографистка первой поспешила покинуть палату, не в силах больше сносить эту пытку: каждый нерв ее был как натянутая струна. Командир Нского дивизиона выходил последним. Кардиган, шедший перед ним, остановился, видимо желая задержаться, но Кедсти знаком попросил его уйти. Кедсти сам закрыл дверь. На секунду их глаза встретились, и Кенту почудилось, что в глазах инспектора он видит что-то такое, чего не замечал раньше, пока тот допрашивал его. Это было как удар током, и Кедсти, видимо, заметил, как изменилось его лицо; он быстро отвернулся и закрыл дверь. То, что Кент увидел в глазах инспектора, нельзя было назвать просто ужасом от услышанного.

Кент готов был поклясться, что это – страх. Кедсти боялся чего-то.

Момент был неподходящий, но Кент улыбнулся. Шок прошел. Он знал, что, действуя даже сейчас в соответствии с уголовным кодексом, Кедсти дает инструкции сержанту О'Коннору, назначенному охранять дверь его палаты. Какое дело Закону до того, что в любую минуту он может отдать концы? А Кедсти всегда придерживался буквы закона. Через закрытую дверь доносились плохо различимые голоса. Затем послышались шаги, и все стихло. После этого он услышал тяжелую походку О'Коннора. О'Коннор всегда ступал так, даже когда преследовал преступника.

Дверь бесшумно приоткрылась, и в палате появился отец Лайон, маленький миссионер. Кент ожидал его появления: священник не был знаком с уголовным кодексом и признавал только те законы, которые соединяли сердца людей на этих диких просторах. Он вернулся, сел у постели Кента, взял его руку и крепко держал так. Ладони у него были не мягкие и гладкие, как бывает у духовных пастырей, а сильные и натруженные, но в то же время добрые и нежные, как у человека, исполненного состраданием к ближнему. Он любил Кента вчера, когда тот был чист перед Богом и людьми, и продолжал любить его сегодня, когда на душе его лежало пятно, смыть которое он мог лишь ценой собственной жизни.

– Мне жаль вас, приятель, – сказал он. – Мне очень вас жаль.

Кент ощутил комок в горле, и это была не кровь, которая с самого утра постоянно выступала у него на губах. Рука его ответила на пожатие ладоней миссионера. Затем он указал на окно, за которым открывалась панорама сверкающей реки и зеленых лесов.

– Трудно расстаться со всем этим, топ реге,— произнес он.— Но, если не возражаете, я бы предпочел не говорить об этом. Это не страх. И стоит ли так убиваться из-за того, что жить осталось совсем немного? Оглянешься назад: ведь совсем недавно был еще ребенком, просто маленьким мальчиком.

– Время бежит быстро, даже очень быстро.

– Ведь правда, как будто только вчера... или совсем недавно?

– Да, как будто... совсем недавно.

Лицо Кента осветила озорная улыбка, которая давным-давно завоевала сердце маленького миссионера.

– Я на это так смотрю, топ реге. В жизни у нас – сколько ни живи – есть только вчера, сегодня и завтра. Поэтому все равно, когда оглядываться, в семьдесят или в тридцать шесть. Конечно, если смотреть назад, а не вперед. Как вы думаете, они теперь освободят Сэнди Мак-Триггера?

– Не сомневаюсь. Ваше заявление было воспринято как признание умирающего.

В отличие от Кента маленький миссионер явно нервничал.

– Есть кое-какие дела, сын мой... дела, которые я бы хотел обсудить с вами. Не можем ли мы поговорить о них?

– Вы говорите...

– ... Прежде всего о ваших близких. Помнится, вы как-то говорили, что у вас никого не осталось. Но ведь, наверное, кто-то все же есть еще где-нибудь?

Кент покачал головой.

– Нет, никого нету. Последние десять лет эти леса были мне отцом, матерью и домом.

– Тогда, может быть, какие-то дела, которые вы хотели бы препоручить кому-то... Может быть, мне?

Лицо Кента прояснилось, и на мгновение в глазах его заиграли веселые огоньки.

– Забавно, – хохотнул он. – Раз уж вы заговорили об этом, топ реге, самое время подумать о завещании. Я купил здесь несколько клочков земли. Сейчас, когда дорога от Эдмонтона доходит почти до нас, цена на них подскочила с восьмисот долларов – столько я за них уплатил – почти до десяти тысяч. Продайте их, а деньги употребите на ваше дело. Сколько возможно, потратьте на индейцев. Они всегда были мне как хорошие братья. И давайте обойдемся без бумаг и подписей.

Глаза отца Лайона потеплели.

– Бог да благословит вас, Джимми, – произнес он, называя Кента, как и раньше, уменьшительным именем. – И я думаю, Господь многое простит вам, если у вас достанет духа просить его об этом.

– Я уже прощен, – отозвался Кент, глядя в окно. – Я это чувствую. Я знаю это, mon pere.

Миссионер беззвучно молился. Он знал, что Кент принадлежит другой вере, и не предлагал ему того, что предложил бы своему единоверцу. Минуту спустя миссионер встал со стула и взглянул на Кента. Он увидел перед собой открытое лицо человека, которого знал много лет, привычный взгляд серых глаз, без тени страха в них, и улыбку, такую же, как прежде.

– Я хочу просить вас о серьезной услуге, mon pere, – обратился Кент к миссионеру. – Если мне суждено прожить еще день, то пусть в этот день никто не напоминает мне, что я умираю. Если у меня еще остались друзья, пусть они навещают меня, поговорят со мной, пошутят. Я хотел бы выкурить мою трубку. Не худо было бы, если бы вы прислали мне коробочку сигар. Кардиган не станет возражать. Можете вы это устроить? Вас послушают. И, пожалуйста, пока вы не ушли, попросите, чтобы мою кровать подвинули поближе к окну.

В тишине отец Лайон закончил свою молитву. Затем, не в силах больше сдерживать душевный порыв и непреодолимое желание испросить у своего Бога немного милости к умирающему, он произнес:

– Скажите, мальчик мой, вы ведь жалеете о содеянном? Вы раскаиваетесь, что убили Джона Баркли?

– Мне не в чем раскаиваться, – ответил Кент. – Что сделано, то сделано. Не забудьте про сигары, mon pere.

– Не забуду, конечно, – ответил маленький миссионер и пошел к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, улыбка вновь заиграла на лице Кента. Он тихо рассмеялся, и тут же предательские капельки крови выступили у него на губах. Игра сыграна! Самое забавное, что никто никогда не будет знать правды. Кроме него... и, может быть, еще одного человека.

Глава 2

За окном была весна, потрясающая северная весна. Кент упивался ею, несмотря на неослабевающую хватку смерти в груди. Взором своим он пытался окинуть обширные пространства лежащего за окном мира, который еще совсем недавно принадлежал ему.

Кент вспомнил, что именно он предложил Кардигану построить «его больницу» на этом пригорке. Отсюда открывался вид и на реку, и на поселок. Больница представляла собой грубое некрашеное строение, сложенное из неструганных бревен, которые все еще источали приятный запах ели. Аромат этот вселял в людей радость и надежду. Серебристые сучковатые стены, на которых местами выступила золотисто-коричневая смола, свидетельствовали о том, что жизнь продолжается: прилетали дятлы и долбили бревна, которые как бы оставались частью леса; рыжие белки резвились на крыше, легко перебегая с места на место на своих мягких лапках.

– Жалко мне человека, который решится умереть среди этой красоты, – говорил годом раньше Кент, когда они с Кардиганом задумали строить здесь больницу. – А если и умрет, когда такое перед глазами, значит, туда ему и дорога, – смеялся он.

Сейчас этим человеком был он; он умирал здесь, взирая

на величие окружающего мира.

Взгляд его скользнул на юг, слегка переместился на запад, потом на восток – повсюду лесу не было ни конца ни края. Казалось, будто огромное разноцветное море вздымает свои бурные валы на много миль вокруг, до самого горизонта, сливаясь вдалеке с голубизной небес. Не раз сердце его сжималось при мысли о двух полосках стали, которые ползут сюда из Эдмонта на фут за футом, собираясь покрыть расстояние в сто пятьдесят миль. Это казалось ему святотатством, преступлением против природы, убийством любимых его просторов! Ибо душа его воспринимала эти просторы не просто как еловые, кедровые и пихтовые леса, березняки и тополя, не просто как огромный необжитый мир рек, озер и болот. Мир этот был для него существом одушевленным. Кент любил его больше, чем людей. Это был его Бог, его тайная вера. Она притягивала к себе крепче, чем любая религия на свете, она позволяла ему проникать к себе в душу все глубже и глубже, поверяла ему свои тайны, столь бережно хранимые, одну за другой, и перелистывала – страницу за страницей – самую великую на свете книгу. И какое чудо, что сейчас этот мир рядом с ним, так близко, и окружает его, и обнимает, и для него играют под солнцем все его краски, и он может слышать тихое его дыхание, и с ним разговаривает этот мир, и ему кивает с вершины каждого холма! Каким-то непонятным счастьем одаривал его этот мир в последние часы, когда он знал, что умирает.

Его взгляд остановился на поселке, который пристроился вдоль берега сверкающей реки, в четверти мили от больницы. В дни, когда железная дорога еще не пришла сюда, поселок тоже был частью этого мира. Яд спекуляции уже проник сюда, но еще не погубил его. Пристань на Атабаске по-прежнему оставалась дверью, которая открывает путь на Великий Север и впускает путников обратно. Дома в поселке были редкие и немногочисленные, построены они были из бревен и неструганых досок. И сейчас до него доносился однообразный шум лесопилки, которая лениво крутила свои колеса где-то вдалеке. Совсем рядом истрепанный британский флаг развевался над факторией Компании Гудзонова залива, через которую вот уже более ста лет шла вся торговля с Севером. Все эти годы биение жизни в поселке Пристань на Атабаске шло в унисон с биением сердец сильных и мужественных людей, возвращенных на этих просторах. Сюда, по реке или на собаках, прибывали с юга грузы, за которые на еще более далеком севере давали еще более драгоценные меха. И сегодня в поселке происходило все то же, что происходило ежедневно год за годом на протяжении целого века. Вышли на стремнину несколько барок. Еще раньше Кент наблюдал, как их грузят товарами, а сейчас он смотрел, как они медленно отходят от берега, видел, как солнце играет в каплях воды, стекающих с длинных весел, слышал нестройное пение речников, которые горланили свою любимую *Chanson des voyageurs*, песню бродяг Севера, и лица их были устрем-

лены на полный опасности Север.

Кент почувствовал, как к горлу его поднимается комок, который он попытался загнать обратно, но который все же вырвался и слетел с его губ тихим вскриком, почти рыданием. Вдалеке он слышал пение, дикое и свободное, как здешние леса, и ему захотелось высунуться из окна, чтобы крикнуть последнее «прости». Один из караванов Компании, тех, чьи команды вот уже двести пятьдесят лет горланили свои песни на всем протяжении реки, отправлялся на север. И он знал, куда они плывут, – на север и снова на север, все дальше и дальше, сто миль, потом еще пятьсот, тысячу, пока последняя барка не освободится от своего драгоценного груза. И худощавые загорелые люди будут в течение многих месяцев вести под открытым небом жизнь чистую и радостную. Сердце Кента заныло; он откинулся на подушку и закрыл глаза.

На мгновение он вдруг явственно ощутил, что он теряет. Завтра или послезавтра он умрет, а караваны будут по-прежнему двигаться на север, в сторону Великих Порогов Атабаски, Прорываясь через Пучину Смерти, лихо обходя скалы и стремнины Большого Каскада, водовороты Дьяволовой Пасти, рев и кипение вод в Черных Порогах; они пройдут всю Атабаску, войдут в Невольничью реку, потом в Маккензи и будут плыть, пока даже те, кто напрочь лишен обоняния, не услышат запах прилива. Северный Ледовитый океан! А его, Джеймса Кента, уже не будет.

Он снова открыл глаза, и бледная улыбка скользнула по его губам. В караване было шестнадцать барок. Самой большой командовал Пьер Россан. Кент представил себе, как вздымается кадык на красном горле Пьера, который во всю мочь горланит песню, предвкушая встречу с женой, ожидающей его за тысячу миль отсюда. Течение подхватило барки, и Кент вдруг представил себе, что это последние беглецы, спасающиеся от стальных чудовищ, которые идут сюда. Почти бессознательно он протянул руки в сторону барок, и душа его возопила, посылая вослед им свой прощальный привет; но ни звука не было произнесено.

Он испытал радость, когда барки скрылись из вида и не стало слышно более песни гребцов. Вновь слушал он ленивое гудение лесопилки, и беспечный беличий писк, и шуршание бархатистых лапок на крыше больницы. Лес возвратился к нему. Золотистый солнечный луч упал на койку. Мощное дыхание леса, отягченное запахом кедра и смолы, ворвалось в комнату. Когда Кардиган вошел в комнату, перед ним лежал прежний Кент.

Ни в голосе, ни в манерах Кардигана, когда он приветствовал Кента, нельзя было заметить никакой перемены. Только в лице его было какое-то напряжение, которое не удавалось скрыть. Он принес Кенту его трубку и табак. Положив все это на стол, он наклонился к Кенту, вслушиваясь в шумы и биение крови в мешке аневризмы.

— По-моему, я временами уже сам слышу, как она пульси-

рует, – сказал Кент. – Что, хуже стало?

Кардиган кивнул.

– Курение может ускорить процесс, – произнес он. – Хотя, если очень хочется...

Кент протянул руку и взял трубку и кiset.

– Оно того стоит. Спасибо, старина.

Он набил трубку, и Кардиган чиркнул спичкой. В первый раз за две недели губы Кента приоткрылись для того, чтобы выпустить клуб дыма.

– Барки пошли на север, – промолвил он.

– Да, в основном на Маккензи, – ответил Кардиган. – Путь неблизкий.

– Зато самый приятный на всем Севере. Три года назад мы с О'Коннором прошли этим путем в команде Фоллетта. Помните Фоллетта?... И Ладусьера... Они любили одну девушку. Но дружили крепко. И условились, что решат дело в честной борьбе – пустятся вплавь через Пучину Смерти. Кто первый приплывет, тот и выиграл. Боже ж ты мой, Кардиган, чего только не бывает на свете! Фоллетт приплыл первым, но уже мертвый. Разбился о камень. А Ладусьер и по сей день не женился на ней. Говорит, что Фоллетт победил и что его дух или чего там еще станет преследовать его за нечестную игру. Чудно!

Он замолк и прислушался. За дверью раздались шаги: эту поступь Кент узнавал безошибочно.

– О'Коннор, – произнес он.

Кардиган пошел к двери и открыл ее прежде, чем О'Коннор успел постучать. Когда дверь вновь закрылась, в комнате кроме Кента был только сержант. В одной своей огромной ручище он нес коробку сигар, в другой – букет только что сорванных ярко-красных цветов.

– Мне это все всучил отец Лайон; он узнал, что я иду к тебе, – пояснил сержант, складывая подарки на стол. – А я... я решил нарушить устав и пришел кое-что тебе сказать, Джимми. Я тебя никогда не называл лжецом, но сейчас назову!

Руки Кента сдавило могучее дружеское пожатие, от которого можно было лишиться жизни. Кент зажмурился, но не от боли, а от радости. Он так боялся, что О'Коннор отвернется от него, как это сделал Кедсти. Затем он обратил внимание, что в выражений лица О'Коннора, в его глазах появилось что-то непривычное. Не так легко было вывести сержанта из равновесия, но сейчас он явно нервничал.

– Не знаю, о чем они все думали, когда ты делал это свое признание, Кент. Может, я тебя знаю лучше – все же провел с тобой полтора года на тропе. Все ты наврал. Что за игру ты затеял, старина?

Кент застонал.

– Ну неужели нужно начинать все сначала? – взмолился он.

О'Коннор принялся мерить комнату шагами, взад-вперед. Кенту случалось иногда видеть его в таком состоянии, где-нибудь на привале, когда предстояло распутать какую-то

нелегкую головоломку.

– Ты не убивал Джона Баркли, – настаивал О'Коннор. – Я не могу в это поверить, и инспектор Кедсти тоже. Странно только...

– Что?

– Что Кедсти с такой готовностью принял твоё признание. Я не думаю, что он просто придерживается правил. Вряд ли дело только в уставе. Но так он вроде и действует. А я хочу знать только одно, и с самого начала хотел: ты убил Баркли?

– Слушай, О'Коннор, если ты не веришь умирающему, значит, у тебя никакого уважения к смерти совсем не осталось.

– Это все теории. Закон на них и держится. Только не всегда по совести получается. Ну его к черту! Скажи мне лучше, ты убил?

– Да.

О'Коннор сел и кончиком ногтя открыл коробку с сигарами.

– Не возражаешь, если я закурю? – спросил он. – Не могу терпеть. Слишком много на меня свалилось сегодня утром. Можно, я тебя спрошу про девушку?

– Какую ещё девушку? – воскликнул Кент. Он выпрямился, уставившись на О'Коннора.

Глаза сержанта впились в Кента.

– Понятно. Ты её не знаешь, – произнес он, закуривая. – Я тоже. Ни разу её не встречал. Поэтому Кедсти меня и уди-

вил. Говорю тебе, неспроста все это. Утром он тебе не поверил, но задержался. Велел мне проводить его до дому. Весь напряжен был, жилы на шее – с мой мизинец. Потом вдруг передумал и повернул к участку. Мы пошли по дороге мимо тополевой рощи. Там мы ее и встретили. Ты знаешь, Кент, я не охотник до женщин. Не стану позориться и тебе ее описывать. В общем, мы ее встретили. Стоит на тропинке, футах в десяти впереди нас. И как я ее увидел, прямо замер, точно она меня пулей пробила. И Кедсти остановился. И даже вскрикнул, странно так, будто его ударили. Не могу сейчас сказать, во что она была одета; но лица такого я никогда не видел, и глаз, и волос; уставился на нее, как громом пораженный. Она меня, по-моему, и не заметила, будто я прозрачный, будто дух какой!

Смотрела она на Кедсти, глаз не отрывала. Потом прошла мимо нас. Ничего, заметить, не сказала. Прошла так близко, что я мог бы ее рукой коснуться, и тут только отвела взгляд от Кедсти и посмотрела на меня. И уже когда она ушла совсем, я подумал: что же мы за идиоты, уставились, словно никогда в жизни красивой девушки не видели. Хотел так нашему старику и сказать, только гляжу...

Наклоняясь к Кенту, О'Коннор от волнения даже перекусил свою сигару пополам.

– Говорю тебе, Кент, Кедсти был. белый как мел. Ни кровинки в лице. Смотрит прямо перед собой, как будто девушка еще там, а потом снова вскрикнул, но не так, как обычно,

ради смеха, а словно его душат. И говорит: «Сержант, я там кое-что забыл. Придется мне вернуться к доктору Кардигану. А вам я поручаю немедленно выпустить Мак-Триггера».

О'Коннор замолчал, словно ожидая, что Кент как-то выразит ему недоверие. Но Кент молчал. Тогда он сам спросил.

– Разве это по закону? А, Кент?

– Не то чтобы... Но приказание исходило от командира дивизиона. Это и есть закон.

– И я ему повиновался, – буркнул сержант. – Видел бы ты этого Мак-Триггера! Когда я ему сказал, что он свободен, и открыл камеру, он шел спотыкаясь, как слепой. И дошел только до участка. Потом сказал, что подождет Кедсти.

– Ну, а Кедсти?

О'Коннор вскочил со стула и снова принялся ходить взад-вперед по комнате.

– Пошел за девушкой, – выпалил он. – В этом нет никакого сомнения. Про Кардигана он мне наврал. Это было бы неудивительно, не будь ему шестьдесят, а ей меньше двадцати. Прелестная девушка! Но не от красоты ее он побледнел там, на тропинке. Нет, совсем не в красоте дело! Слушай, он за эти десять секунд на десять лет постарел. Что-то было у нее во взгляде такое, страшнее пистолета. А он, только взглянул на нее, сразу вспомнил про Мак-Триггера, того самого, что ты спас от виселицы. Странно это, Кент. Все странно. А самое странное – это твое признание.

– Да, забавно получилось, – согласился Кент. – Знаешь,

старина, я сам не устаю удивляться. Представляешь, пулька какая-то – взяла и все карты спутала. Потому что, если бы не пуля, – я тебе точно говорю – ни за что не получил бы от меня Кедсти никакого признания. И повесили бы ни в чем не повинного человека. Понятно, Кедсти сам не свой. В первый раз кто-то замарал дивную его Службу, и кто? Человек из его же подразделения! Расстроись тут. А что до девушки... – Он пожал плечами и попытался улыбнуться. – Может, она просто приехала на барке с верховьев сегодня утром и пошла прогуляться, – предположил он. – Ты что, никогда не замечал, О'Коннор, иногда под тополями свет так падает, что лицо просто жутким делается?

– Замечал, замечал, Джимми. Но это, когда деревья все в листьях, а не когда почки только раскрываются. Тут все дело в девушке. Ее глаза его по нервам саданули. И он мне сразу же приказал освободить Мак-Триггера и стал врать про Кардигана. Ты бы видел, как она на меня глянула! Глаза у нее такие синие-синие, как лесные фиалки, а в глазах – огонь. Бывают такие черные глаза, но чтобы синие так загорелись, этого я никогда не видел. Кедсти от этого огня прямо засох на месте. В этом, я точно знаю, и кроется причина, почему он сразу вспомнил про человека в камере!

– Ты только меня сюда не впутывай, – произнес Кент. – Но вообще что-то в этом есть. Есть какая-то связь между этой блондинкой и...

– Никакая она не блондинка! – перебил его О'Коннор. –

И никуда я тебя не впутываю. Я в жизни не видел ничего чернее, чем. ее волосы. Такие красивые! Девушку эту раз увидишь, потом всю жизнь помнить будешь. Здесь она никогда не была раньше, и нигде поблизости тоже. Мы бы о ней знали. Она специально приехала, с какой-то целью. И цели своей достигла, когда Кедсти приказал мне выпустить Мак-Триггера.

– Не исключено, и даже вполне вероятно, – согласился Кент. – Я всегда говорил, что во всем подразделении никто не мог собрать улики лучше тебя, Баки. Не понимаю только, при чем здесь я.

О'Коннор мрачно улыбнулся.

– Не понимаешь? Ладно. Может, я слепой или дурак, или и то и другое. Может, нервы у меня не в порядке. Только когда Кедсти взглянул на девушку, он как-то очень заторопился выпустить Мак-Триггера, а тебя вместо него повесить. Слишком он как-то заторопился, Кент.

Ситуация была забавная и вызвала улыбку на губах Кента. Он потянулся к коробке с сигарами.

– Закурю-ка я после трубки сигарку, – произнес он, откусывая кончик. – Ты забыл, что никто меня не собирается вешать, Баки. Кардиган дал мне сроку до завтрашнего вечера. Ну, до утра послезавтра. Ты видел, как уходит Россанова флотилия. Она мне напомнила о том, что было три года назад.

О'Коннор снова сжал его руку. Рука была такая холодная,

что холод дошел до самого сердца сержанта. Он поднялся, встал на цыпочки и, задрав голову, стал смотреть в окно, так чтобы Кент не увидел, как заходил у него от волнения кадык. Затем направился к двери.

– Я зайду завтра, – сказал он. – И если что-то еще узнаю про девушку, расскажу тебе.

Он попытался засмеяться, но голос его задрожал, и смех так и не получился.

Кент слышал, как тяжелые шаги О'Коннора протопали и стихли за дверью.

Глава 3

Мир, который лежал за окном, снова вернулся к Кенту. Но стоило О'Коннору уйти, как мир этот начал меняться. Несмотря на твердое решение держать себя в руках, Кент чувствовал, как вместе с переменной, происходящей в мире, в нем самом поднимается что-то тяжелое и гнетущее. Как быстро изменилось звучание леса, перекатывающего вдаль-ке свои волны, каким темным он стал в ожидании близящейся бури! Не смеялись уже холмы и горные цепи. Мрачными стали ели, кедры и пихты, на которых совсем недавно играло солнце. Березы и тополя, переливавшиеся серебром и золотом, слились в безжизненную серую массу и как будто растворились в ней, став почти невидимыми. Зловещий сгущающийся мрак закрыл – будто покрывалом – реку, которая еще минуту назад переносила величавое сияние солнца на смуглые лица речников. И с приближением мрака все отчетливее доносились глухие раскаты грома.

Впервые за все время, прошедшее с того момента, как Кент сделал свое признание, возбуждение, вызванное этим его поступком, сменилось чувством ужасающего одиночества. Как и раньше, он не боялся смерти, но философия его кое-что утратила. Как-никак, совсем не просто умирать одному! Он чувствовал, что давление в груди заметно усилилось за последние два часа, и подумал, как ужасно будет, ес-

ли «взрыв» произойдет после того, как зайдет солнце. Ему захотелось вернуть О'Коннора. Или вызвать Кардигана. С какой радостью приветствовал бы он сейчас появление отца Лайона! И все же больше всего Кенту хотелось, чтобы в эту минуту отчаяния рядом с ним была женщина. Именно сейчас, когда буря приблизилась и уже навалилась на землю всей своей тяжестью, наполнив все вокруг тоской и отчаянием, и обширные пространства неожиданно слились в сознании Кента в единое целое, он вдруг почувствовал, что остался один на один со всем тем, что уже никогда не сбудется.

Прежде он никогда не задумывался о том, какая пропасть отделяет полную беспомощность от ничем не скованной свободы, и душа его возопила. Она жаждала не приключения, но нового всплеска жизни – нет! – ему лишь хотелось, чтобы рядом был кто-то еще более слабый, чем он сам, но в чьем ласковом прикосновении заключалась вся сила, все могущество Человека.

Кент не сдавался. Он припомнил, что доктор Кардиган предупреждал о глубокой депрессии, которую ему предстоит испытывать время от времени, и пытался сбросить с себя ее жестокую хватку. Рядом висел колокольчик, но Кент не стал звонить, считая, что это было бы проявлением трусости. Сигара его погасла, и он вновь раскурил ее. Он попытался мысленно вернуться к О'Коннору, к тому, что тот рассказывал о загадочной девушке, о Кедсти. Попытался представить Мак-Триггера, человека, которого он спас от виселицы и ко-

торый сидел сейчас в казарме, ожидая Кедсти. Воображение его рисовало девушку, про которую рассказывал О'Коннор, – ее черные волосы, фиалковые глаза... Но тут разразилась буря.

Разверзлись небеса, и хлынул дождь. Не успели первые его капли упасть па землю, как в комнату поспешно вошел Кардиган и закрыл окно. Кардиган оставался с Кентом полчаса, а после его ухода Кента регулярно навещал молодой Мерсер, один из двух помощников Кардигана. К вечеру, когда погода начала исправляться, появился отец Лайон с бумагами, которые Кенту нужно было только подписать. Он просидел с Кентом до захода солнца и ушел, когда Мерсер принес ужин.

После ужина Кент обратил внимание на беспокойство, которое начал проявлять доктор Кардиган. До десяти часов он четыре раза приходил в палату и прикладывал свой стетоскоп к груди Кента. Когда же тот решился задать вопрос, который сам собой напрашивался, врач отрицательно покачал головой:

– Нет, Кент, хуже не стало. Я думаю, сегодня это не произойдет.

Несмотря на заверения врача, Кент видел, что в поведении Кардигана появилась какая-то озабоченность, которой не было раньше. Вывод был ясен: Кардиган идет на профессиональную ложь, желая скрасить последние минуты больного.

Спать не хотелось. Лампа едва светила, и, поскольку погода окончательно исправилась, окно вновь открыли. Никогда еще воздух не казался Кенту таким сладким. Когда колокольчик в его часах прозвенел одиннадцать раз, Кент услышал, как в другом конце больницы Кардиган в последний раз закрыл за собой дверь. Все стихло. Кент придвинулся поближе к окну, так что можно было даже слегка высунуться из него, облокотясь на подоконник. Какая чудесная ночь! Его всегда манила и притягивала таинственная тьма этих ночных часов, когда весь мир спит. Ночь была его другом. Как много своих тайн открыла она ему! Как часто бродил он рука об руку с ней, постигая ее дух, проникая в самое ее сердце, узнавая ее жизнь, вслушиваясь в звучание ее языка, в шепот, рождающийся «по ту сторону жизни» и как будто боящийся перейти в эту жизнь и вздохнуть, сейчас, когда солнце давно уже погасло. Кент любил ночь гораздо больше, чем день.

Нынешняя ночь, которая простиралась за его окном, была особенно хороша. Буря промыла пространство между землей и небом, и Кенту казалось, что золотистые созвездия спустились пониже и приблизились к любимым его лесам. Луна в эту ночь появилась поздно, и Кент смотрел, как небо все больше окрашивается ее красноватым светом, по мере того как она поднимается над лесами – прекрасная королева, восходящая на трон, приготовленный ее любящими подданными. Не было больше ни страха, ни подавленности. С каждым вдохом ночной воздух все более заполнял его легкие, и

Кент упивался им, и новая сила, казалось, рождалась в нем с каждым новым вдохом. Глаза его были широко открыты, слух обострен.

Поселок спал, и лишь несколько огоньков слабо мерцали вдоль берега реки, да ленивые звуки доносились оттуда время от времени – поскрипывание якорной цепи, лай собаки, пение петуха. Кент невольно улыбнулся. Этот глупый петух старика Дьопроу вечно срывал голос, начиная кукарекать, как только взойдет луна. Невдалеке, прямо перед окном, виднелись две обуглившиеся от удара молнии ели, похожие на привидения. В одной из них поселилась пара сов, и сейчас Кент слышал, как они любезничают, ухая по-своему там в дупле, или шумят крыльями, вылетая время от времени наружу и резвясь перед самым его окном. Вдруг он услышал, как резко щелкнули их клювы: враг был рядом, и совы предупреждали друг друга об опасности. Кенту показалось, что он слышит шаги. Еще через минуту он уже не сомневался в этом. Кто-то крался к его окну с другой стороны здания. Кент перевесился через подоконник и оказался лицом к лицу с О'Коннором.

– Чертовы ножищи! – буркнул сержант. – Ты спал, Кент?

– Как те совы, – ответил Кент.

О'Коннор подошел поближе.

– Я увидел свет у тебя в окне и подумал, что ты не спишь, – пояснил он. – Хотел убедиться, что Кардигана у тебя нет. Не хочу, чтобы он знал, что я здесь. И, если можно, выключи

свет. Кедсти ведь тоже не спит; он — что твои совы.

Кент протянул руку к лампе, и комната погрузилась во тьму; лишь луна и звезды освещали ее теперь. К тому же большую часть окна закрывала фигура О'Коннора, лицо которого едва вырисовывалось в темноте.

— То, что я к тебе пришел по секрету, — это должностное преступление, — начал он, перейдя на шепот. — Но я не мог иначе. У меня осталась последняя возможность. Я знаю, что-то здесь не так. Кедсти решил убрать меня подальше — я ведь был с ним там, у тополей, когда мы повстречали эту девушку. Поэтому он отправляет меня с заданием в Форт-Симпсон. Две тысячи миль по реке, ни больше ни меньше! Иначе говоря, полгода-год. На рассвете мы отправляемся на моторке и должны догнать барки Россана. Поэтому другой возможности повидаться с тобой у меня не будет. Я ждал, пока не убедился, что в комнате, кроме тебя, никого.

— Я рад, что ты пришел, — тепло отозвался Кент. — И — Боже ж ты мой! — с какой радостью я бы отправился с тобой, Баки, если бы не эта штука у меня в груди! Она раздувается и вот-вот лопнет.

— Тогда и я никуда бы не поехал, — шепотом прервал его О'Коннор. — Будь ты на ногах, Кент, многого бы не случилось. На Кедсти с утра нашло что-то совсем непонятное. Это не тот Кедсти, что был вчера или десять лет назад. Нервничает и кого-то все время выглядывает, лопни мои глаза! И меня опасается. Я точно знаю. Он опасается меня, потому

что я видел, как он струхнул, когда повстречал ту девушку. Форт-Симпсон – просто предлог, чтобы услать меня на время. Он пытался подсластить пилюлю и пообещал, что через год я буду инспектором. Это было сегодня, прямо перед грозой. А потом...

О'Коннор повернул голову, и луна на мгновение осветила его лицо.

– Потом я стал потихоньку следить за девушкой и Сэнди Мак-Триггером, – продолжал он. – Но они исчезли, Кент. Я думаю, Мак-Триггер просто дернул в лес. А вот с девушкой – совсем непонятно. Я расспросил всех шкиперов с барок. Облазил все места, где могли дать стол и крышу. Сунул в лапу старику Муи, трапперу, чтобы он поискал в лесу. Дело даже не в том, что она исчезла. Самое невероятное, никто в Атабаске ее и в глаза не видел! Невероятно, да? И тут меня осенило. Ты помнишь, Кент, мы всегда рассчитывали на то, что нас в конце концов осенит. Так и случилось! Я, кажется, знаю, где она.

Позабыв о своем собственном смертном приговоре, Кент не отрываясь слушал О'Коннора. Загадочная история захватила его. Он попытался представить себе, что же произошло. Им не раз приходилось вместе ломать голову над подобными загадками, и сержант сразу увидел знакомый блеск, которым загорелись глаза Кента. Кент же снова ощутил дрожь, известную ему по игре «охота на человека», и радостно рассмеялся.

– Кедсти – холостяк, – начал он. – Он даже не смотрит на женщин. Но любит домашний уют...

– И построил себе бревенчатую хижину за городом, – добавил О'Коннор.

– И китаец, который готовит ему и следит за домом, уехал.

– И хижина на замке, или все думают, что она на замке.

– До самого вечера, когда Кедсти приходит ночевать.

О'Коннор сжал руку Кента.

– Джимми, в Н-ском дивизионе еще никому не удавалось нас переиграть. Девушка прячется у Кедсти!

– Но почему прячется? – поинтересовался Кент. – Она что, преступница?

Некоторое время О'Коннор молчал. Кент слышал, как он набивает трубку.

– Вот то-то и оно! – буркнул он. – Об этом я и думаю все время, Кент. И не могу ничего придумать. С чего бы...

Он зажег спичку, прикрывая огонек ладонями, и Кент смог рассмотреть его лицо. В мужественных, резко обозначенных чертах его сквозила явная растерянность.

– Понимаешь, когда я сегодня ушел от тебя, я снова пошел к тополям, – продолжал О'Коннор. – Я нашел ее следы. Она сошла с тропинки, и местами они очень четко отпечатались. На ней были туфли на высоких каблуках, такие, знаешь, Кент, модные французские, и, ей-богу, ноги у нее, как у ребенка! Я нашел то место, где Кедсти нагнал ее, – мох там был вытоптан. Он вернулся тополевой рощей, а девушка до-

шла до ельника. Там ее след теряется. Если она пошла через ельник, то вполне могла выйти к хижине Кедсти и остаться при этом незамеченной. Нелегко же ей, должно быть, было идти в туфельках с половину моей ладони, да на каблуках в два дюйма! Я еще подумал: чего бы ей было не надеть башмаки или мокасины.

– Потому что она приехала с юга, а не с севера, – предположил Кент. – Может быть, из Эдмонта.

– Точно! А Кедсти её не ждал, так? Если бы ждал, то не задержался бы так, как только ее увидел. Об этом-то я все время и думаю, Кент. Как только он ее увидел, он стал сам не свой. И отношение его к тебе переменялось мгновенно. Сейчас он бы и мизинцем не двинул, чтобы тебя спасти, просто потому, что ему нужен предлог, чтобы выпустить Мак-Триггера. Твое признание было как нельзя кстати. Там, у тополей, девушка молча потребовала, чтобы Кедсти освободил его, и подкрепила свое требование какой-то угрозой, которую Кедсти понял и до смерти перепугался. С Мак-Триггером они потом виделись, потому что тот ждал Кедсти в участке. Я не знаю, что между ними произошло. Констебль Дойл говорит, что они полчаса беседовали наедине. Потом Мак-Триггер вышел из казармы, и больше его не видели. Все это странно. Чрезвычайно странно! А самое странное – то, что меня вдруг посылают в Форт-Симпсон.

Кент откинулся на подушку. Перехватило дыхание; он зашелся сухим отрывистым кашлем. В сиянии луны О'Коннор

увидел, что лицо Кента стало вдруг изможденным и составившимся. Он перегнулся через подоконник и обеими руками пожал руку больного.

– Я утомил тебя, Джимми, – произнес он хрипло. – Давай, старина, я, я...

Он смешался, потом взял себя в руки и, уже не колеблясь, солгал:

– Схожу еще разок к дому Кедсти. На это уйдет полчаса, не больше. На обратном пути зайду. Если будешь спать...

– Я не буду спать, – сказал Кент.

О'Коннор еще крепче сжал его руку.

– Прощай, Джимми.

– Прощай.

И потом, когда ночь уже почти поглотила О'Коннора, тихий голос Кента нагнал его:

– Я буду с тобой, Баки. На всем пути. Береги себя... всегда.

В ответ послышалось сдавленное рыдание. Рыдания подступили к горлу О'Коннора и душили его, словно огромный кулак, и глаза его наполнились слезами, которые обжигали и затмевали свет звезд и луны. Он не пошел к дому Кедсти, а направился, тяжело ступая, к реке, потому что знал, что это Кент заставил его солгать и что они простились в последний раз.

Глава 4

После ухода О'Коннора Кент еще долго не мог уснуть. Сон его был тяжелым и беспокойным; сознание Кента из всех сил боролось с усталостью, стремясь отдалить неизбежный конец. Кенту казалось, что какой-то неведомый дух подхватил его и понес через прожитые годы, назад, в детство. Он несясь, перепрыгивая с гребня на гребень, а внизу быстро проносились видения: долины, а в них то, что когда-то произошло и почти забыто, то, что померкло или почти выветрилось из памяти. Видения его ожили и наполнились призраками; когда дух, несший Кента, приблизился к ним, они стали меняться, оживать, и вот уж настоящая горячая кровь забилась в них! Кент увидел себя мальчиком, играющим перед небольшим кирпичным зданием школы, в полутора милях от фермы, где он родился и где умерла его мать.

А вот Скини Хилл. Он уже давно умер, а когда-то они вместе играли в лапту. Старина Скини, со своей вечной ухмылкой! И как всегда, от него пахнет луком, самым лучшим в Огайо. Иногда за обедом он выменивал у Скини лук на маринованные огурчики, которые давала ему мать, — две луковицы за огурчик, только так! А вот он снова играет с матерью в домино и собирает вместе с ней чернику в лесу. Вот он опять убивает змею, которую забил палкой больше двадцати лет назад; мама тогда с криком бросилась бежать, а потом

села на землю и заплакала.

Как он любил ее! Но дух не позволил ему посмотреть вниз, в ту долину, где она покоилась рядом с отцом под небольшим белым камнем на деревенском кладбище за тысячу миль отсюда. И все же ему позволено было ощутить легкий трепет от воспоминаний о днях, проведенных в колледже. А потом был Север, любимый его Север.

На несколько часов эти дикие просторы завладели Кентом. Он беспокойно метался и, казалось, вот-вот проснется, но опять попадал в объятия лесов, которые вновь погружали его в сон. Снова он на тропе. Начало зимы. Холод. Горит костер, и мерцание его подобно нимбу, загоревшемуся в самом сердце ночи. В свете костра рядом с Кентом – О'Коннор. А вот он уже на санях, запряженных собаками, пробивается сквозь снежную бурю; вот темная беспокойная рябь бежит за бортом его каноэ – это он на Большой реке, и снова рядом с ним О'Коннор. Потом вдруг в руке у него оказывается револьвер, из дула которого вырывается пламя, – это они с О'Коннором стоят спина к спине, а перед ними – разъяренный Мак-Коу со своей кровожадной шайкой контрабандистов. Стрельба чуть было не пробудила его, но за ней последовали воспоминания более приятные: гудение ветра в верхушках елей, журчание разлившихся ручьев весной, пение птиц и сладостное дыхание жизни, великолепной жизни, которую он прожил; он и О'Коннор. В конце концов, когда он уже не спал, но еще и не проснулся, что-то очень тяжелое

навалилось ему на грудь. Он попытался вырваться, чувствуя тяжесть и испытывая ужасные муки; нечто подобное он однажды уже испытал в долине реки Джэкфиш, когда его придавило упавшим деревом. Потом он почувствовал, что проваливается в темноту, но неожиданно увидел свет. Он открыл глаза. Свет падал из окна, а груди его слегка касался стетоскоп доктора Кардигана.

Несмотря на физическое напряжение, рожденное ночными кошмарами в мозгу Кента, пробуждение его было таким тихим, что Кардиган заметил это лишь после того, как Кент открыл глаза. Во взгляде врача таилось нечто такое, что он попытался скрыть, но что все-таки успел заметить Кент. У Кардигана были круги под глазами, и выглядел он усталым, как после бессонной ночи. Кент сел, жмурясь на солнце, и виновато улыбнулся. Он проспал все утро и...

Внезапно лицо Кента исказила гримаса боли. Что-то горячее, обжигающее пронзило его грудь словно нож. Рот его приоткрылся. Он попробовал вздохнуть. Но это уже не стетоскоп давил ему на грудь. Давило изнутри и по-настоящему.

Кардиган стоял над ним и делал вид, что все в порядке.

– Наглотались свежего воздуха за ночь, – пояснил он. – Скоро пройдет.

Кенту показалось, будто Кардиган произнес слово «скоро» как-то по-особенному, но он не стал задавать ему вопросов. Он был уверен в ответе и знал, что Кардигану нелегко будет дать его. Кент нащупал под подушкой часы и взглянул

на них. Девять. Кардиган, двигаясь несколько неловко, приводил в порядок стол и поправлял занавески на окне. Потом замер на мгновение и стоял так, не двигаясь, спиной к Кенту. Затем, повернувшись, спросил:

– Чего бы вы хотели, Кент, – умыться и позавтракать или принять посетителя?

– Я не голоден, да и вода и мыло меня сейчас не очень привлекают. А что за посетитель? Отец Лайон? Кедсти?

– Ни тот, ни другой. Это дама.

– Тогда воды и мыла! Но скажите на милость, что за дама? Кардиган покачал головой.

– Я не знаю. Никогда ее не видел. Пришла сегодня утром – я был еще в пижаме – и так и сидит. Я предложил ей зайти попозже, но она решила ждать, пока вы не проснетесь. Сидит терпеливо уже два часа.

Кент вздрогнул и даже не попытался скрыть этого.

– Молодая женщина? – спросил он взволнованно. – Роскошные черные волосы, темно-синие глаза, туфли на высоких каблуках, размер – с половину вашей ладони, и очень красивая?

– Все так и есть, – закивал Кардиган. – Я тоже обратил внимание на туфли. Очень красивая молодая женщина!

– Пожалуйста, впустите ее, – попросил Кент. – Вчера Мерсер выскреб мне щеки, так что я вполне могу ее принять. А щетину на подбородке она простит. За то, что вы заставляете ее ждать, я извинюсь. Как ее зовут?

– Я спрашивал, но она сделала вид, будто не слышит. Потом Мерсер спросил, но она так посмотрела на него, что он прямо застыл. А сейчас она читает моего Плутарха. Взаправду читает, не просто страницы переворачивает.

Когда Кардиган вышел, Кент устроился повыше и стал смотреть на дверь. Все, что говорил ему О'Коннор, мгновенно всплыло в сознании: девушка, Кедсти, загадка. Зачем она пришла? Что ей нужно? Поблагодарить его за признание, которое спасло Сэнди Мак-Триггера? О'Коннор прав. Она крепко замешана в этом деле и пришла выразить ему свою признательность. Он прислушался. Послышался отдаленный звук шагов. Вот он приблизился и замер у двери. Он разобрал голос Кардигана, затем его удаляющиеся шаги. Никогда еще Кенту не приходилось испытывать такого волнения из-за такой малости!

Глава 5

Медленно повернулась дверная ручка, и тут же раздался тихий стук.

– Войдите, – произнес Кент.

В следующее мгновение он поднял голову. Девушка вошла и закрыла за собой дверь. Картина, нарисованная О'Коннором, во плоти и крови! Взгляды их встретились. Глаза девушки действительно были как две роскошные фиалки, но все же не такие, как представлял себе Кент по описанию О'Коннора. Они были широко открыты и светились любопытством, как у ребенка. По описанию О'Коннора он представлял себе озера застывшего пламени, но здесь было нечто прямо противоположное. Единственное чувство, которое они отражали, – это всепоглощающее любопытство. Глаза эти явно не видели в нем умирающего; они взирали на него как на что-то чрезвычайно занятное. Вместо ожидаемой благодарности он увидел в них непреодолимое желание спросить его о чем-то – и ни тени смущения! На мгновение Кенту показалось, что он не видит ничего, кроме этих прекрасных и бесстрастных глаз. Затем он разглядел ее целиком – удивительные волосы, бледное тонкое лицо, грациозную, стройную фигуру. А она стояла, прислонясь к косяку, и пальцы ее по-прежнему лежали на ручке двери.

Кент никогда не встречал такой красоты. Лет ей могло

быть восемнадцать или двадцать, а может быть, двадцать два. Ее блестящие бархатистые волосы, убранные на затылке и уложенные вокруг головы наподобие короны, поразили его так же, как ранее О'Коннора. Невероятно! Как нимб вокруг головы, от которого она казалась высокой, несмотря на свой маленький рост; а ее стройность и изящество еще усиливали это впечатление.

А потом – в еще большем замешательстве – он перевел взгляд на ее ноги. И тут О'Коннор оказался прав: крохотные ступни, туфельки на высоких каблуках, аккуратные щиколотки, до которых доходила юбка из какой-то ворсистой коричневой материи...

Чувствуя неловкость, Кент покраснел. На губах девушки появилось некое подобие улыбки. Она взглянула на Кента, и впервые он разглядел то, на что обратил внимание О'Коннор: солнечные блики, как будто застывшие в ее волосах.

Кент попытался что-то произнести, но не успел; девушка уже взяла стул и села у его кровати.

– А я вас дожидаясь, – сказала она. – Вы ведь Джеймс Кент?

– Да, Джим Кент. Я сожалею, что доктор Кардиган заставил вас ждать. Если бы я знал...

Самообладание понемногу возвращалось к нему, и он даже смог улыбнуться девушке. Он обратил внимание, какие у нее длинные ресницы, но фиалковые глаза, которые они закрывали, не улыбнулись в ответ. Этот спокойный взгляд

приводил Кента в замешательство. Создавалось впечатление, что девушка просто еще не решила, что сказать ему, и размышляет о месте, которое этот экспонат должен занять в ее паноптикуме.

– Зря он не разбудил меня, – продолжал Кент, стараясь на этот раз говорить твердо. – Невежливо заставлять даму ждать.

Синие глаза дали понять, что его улыбка получилась кисловатой.

– Да, я вас не таким себе представляла.

Она говорила тихо, как будто сама с собой.

– Я затем и пришла – посмотреть, какой вы. Вы умираете?

– О Боже! Ну да. Я умираю. – Кент прямо поперхнулся.

– Доктор Кардиган говорит, что я могу в любую минуту отправиться к праотцам. Вам не страшно сидеть рядом с человеком, который может помереть у вас на глазах?

Впервые за все это время выражение ее глаз изменилось. Она отвернулась от окна, и тем не менее глаза ее были полны светом, как будто солнечные блики играли в них – добрые, искрящиеся смешинки.

– Нет, совсем не страшно, – уверила она его. – Мне всегда хотелось увидеть смерть, не мгновенную, как когда тонут или умирают от пули, а медленную, по дюйму в минуту. Но мне не хотелось бы, чтобы умерли вы.

– Очень рад, – выдавил из себя Кент. – Весьма вам за это признателен.

– Но если бы вы и умерли, я бы не очень испугалась.

– Да?!

Кент подоткнул под себя подушки и устроился повыше. В каких только передрыгах он не бывал! И какие потрясения ему пришлось пережить! Но с таким он сталкивался впервые. Он не мог оторвать взгляда от темно-синих глаз незнакомки; язык его онемел, мысли путались. Глаза эти, спокойные и прекрасные, не выражали никакого волнения. И Кент понял, что девушка говорит правду. Даже роскошные ресницы ее не дрогнули бы, отдай он Богу душу тут же, прямо у нее на глазах. Это было убийственно.

На какую-то долю секунды потрясенное его сознание испытало что-то похожее на неприязнь, но это чувство быстро прошло. В следующее мгновение он подумал, что это, в сущности, его собственная философия жизни, что девушка просто демонстрирует ему, какая это малость – жизнь, и как дешево она стоит, и не нужно грустить, глядя на догорающую свечу. Это не было ее философией, просто – очаровательная детская непосредственность.

Неожиданно, как будто под влиянием минутного порыва, так плохо согласующегося с ее безразличием к нему, девушка протянула руку и положила ее на лоб Кенту. Новое потрясение! Это не был жест врача, но легкое прикосновение мягкой прохладной ладони, от которого по телу его пробежала приятная дрожь, принесшая успокоение. Прикосновение было мгновенным, после чего, сцепив тонкие пальцы,

девушка опустила руки на колени.

– Жара нет, – сказала она. – Почему вы решили, что умираете?

Кент объяснил, что происходит у него внутри. Он был совершенно сбит с толку: все выходило совсем не так, как он предполагал вначале. Казалось естественным, что он и его посетительница начнут с того, что представятся друг другу, после чего Кенту будет отведена роль благожелательного дознавателя. Несмотря на все рассказы О'Коннора, Кент не ожидал, что девушка окажется такой красивой. Он не думал, что глаза ее так прекрасны, ресницы – такие длинные, а прикосновение ее руки вызывает такое приятное волнение. И теперь, вместо того чтобы спросить как ее зовут, и осведомиться о цели ее визита, он, как идиот, разъяснял ей тонкости анатомии, рассуждая об аорте и мешке аневризмы. Кент закончил свои объяснения раньше, чем до него дошла вся абсурдность ситуации. Ему стало смешно. Даже находясь при смерти, Кент не утратил способности видеть смешную сторону вещей. Это поразило его не менее, чем красота девушки или ее наивная непосредственность.

Она смотрела на Кента, и в глазах ее светился все тот же загадочный невысказанный вопрос. Вдруг она увидела, что Кент смеется прямо ей в лицо.

– Как забавно! Просто чрезвычайно! Мисс... мисс...

– Маретт, – закончила она, видя, что он замялся.

– Как это забавно, мисс Маретт.

– Не мисс Маретт, – поправила девушка. – Просто Маретт.

– Я говорю, смешно, – снова начал Кент. – Понимаете, помирать здесь вовсе не так приятно, как вам, может быть, кажется. Я вот вчера как раз подумал, что хорошо было бы, если бы тут, рядом со мной, была женщина, чтобы она мне посочувствовала как-нибудь, знаете, попробовала облегчить мое положение, сказала бы, что ли, что ей меня жаль. И вот Господь услышал меня и пришли вы. Только все выглядит так, будто вы тут сами себе назначили свидание и желаете посмотреть, как это бывает, когда человек отдает концы.

И снова искорка блеснула в темно-синих глазах девушки. Она, видимо, уже закончила изучать его, и Кент видел, что на лице ее, прежде бледном, начал появляться румянец.

– Я знаю, как это бывает, – заверила она Кента. – Несколько человек умерли на моих глазах, но я никогда особенно не убивалась. Я даже зверей жалею больше, чем людей. Но вашу смерть я совсем не хотела бы видеть. Это вас утешит? Я похожа на ту женщину, о которой вы молили Бога?

– Да, спасибо, – выдавил из себя Кент. – Но какого черта, мисс Маретт...

– Маретт, – снова поправила она.

– Да, Маретт! Так какого черта вы явились сюда в тот самый момент, когда я готовлюсь отдать концы? Кстати, как ваше второе имя, сколько вам лет и вообще что вам от меня нужно?

– Второго имени у меня нет, лет мне двадцать, а пришла

я с вами познакомиться и посмотреть, что вы за человек.

– Браво! – воскликнул Кент. – Дело подвигается. Но зачем все-таки вы пришли?

Девушка чуть-чуть придвинула стул к его кровати. Кенту вдруг показалось, что сейчас ее прекрасные губы растянутся в улыбку.

– Потому что вы так прекрасно лгали, спасая жизнь другого человека, которому грозила смерть.

– Et tu, Brute! – вздохнул Кент, откидываясь на подушку. – Неужели порядочному человеку нельзя совершить убийство и признаться в нем без того, чтобы прослыть лжецом? Почему все думают, что я вру?

– Никто так не думает, – возразила девушка. – Все вам верят... сейчас верят. Вы с такими подробностями описали это убийство, что никто теперь не сомневается. Жалко, если вы не умрете – вас обязательно повесят. Ложь ваша звучит, как чистая правда. Но я-то знаю, что это ложь. Вы не убивали Джона Баркли.

– В чем же причина вашей уверенности?..

Почти полминуты глаза девушки смотрели, не отрываясь, прямо на Кента. Снова казалось, что эти глаза пронзают его насквозь и проникают в самые сокровенные мысли.

– В том, что я знаю человека, который совершил это убийство, – ответила она спокойно. – И этот человек – не вы.

Кенту потребовалось усилие, чтобы сохранить самообладание. Он протянул руку к коробке, которую оставил Карди-

ган, взял сигару и откусил кончик ее.

– Что, кто-то еще признался? – спросил он.

Она только слегка покачала головой.

– Так вы видели, э-э, джентльмена, который убил Джона Баркли? – продолжал свои расспросы Кент.

– Нет.

– Тогда я могу только повторить то, что уже говорил однажды: Джона Баркли убил я. Если вы подозреваете кого-то другого, вы ошибаетесь.

– Какой потрясающий лжец! – прошелестел голосок девушки. – Вы не верите в Бога?

Кент недоуменно сощурился.

– В широком смысле – конечно, – ответил он. – Я верю, например, в того Бога, который открывается нам, когда мы взираем на живое, цветущее великолепие за этим окном. Мы стали добрыми приятелями с матерью-природой, и, признаюсь, вместо Бога я создал себе прекрасную богиню и ей поклоняюсь. Звучит кощунственно, допускаю, но временами от этого делается легче жить. Впрочем, вы ведь не о религии пришли говорить?

Очаровательная головка склонилась над ним. Он почувствовал сильное желание протянуть руку и коснуться ее блестящих волос как раз в тот момент, когда ее рука легла ему на лоб.

– Я знаю, кто убил Джона Баркли, – настаивала девушка.

– Я знаю, как, когда и за что его убили. Пожалуйста, скажите

мне правду. Я хочу знать. Почему вы сознались в преступлении, которого не совершали?

Кент тянул время, раскуривая сигару. Девушка смотрела на него пристально, почти умоляюще.

– Может, я с ума сошел, – произнес Кент. – Бывает. человек сойдет с ума и сам не догадывается. Странная такая особенность у сумасшедших. Но если я не сумасшедший, то Баркли убил я. Конечно, если я его не убивал, тогда я определенно сумасшедший, потому что я-то наверняка знаю, что убил. Или вы сумасшедшая. Подозреваю, что так оно и есть. Разве станет нормальный человек ходить здесь в обуви на таких каблучиках? – Он укоризненно кивнул на ее туфли.

Впервые за все это время девушка улыбнулась – искренне, открыто, радостно. В какой-то момент казалось, что сердце ее рвется из груди навстречу ему. Мгновение, и улыбка исчезла – как будто туча набежала на солнце.

– Вы смелый человек, – произнесла девушка. – Я восхищаюсь вами. Ненавижу мужчин, но, случись вам выжить, я бы наверное полюбила вас. Я поверю, что это вы убили Баркли. Вы заставили меня поверить. Вы сделали это признание, когда узнали, что умираете. Вы хотели спасти невинного. Так?

Кент слабо кивнул.

– Именно. Противно это сознавать, но, видимо, так и было. Я признался, потому что знал, что умираю. В противном случае я бы, конечно, предпочел, чтобы другой выпил эту

микстуру вместо меня. По-вашему, я грубое животное? —
— Все мужчины — грубые животные, — быстро согласилась девушка. — Но вы... Вы — животное немножко иной породы. Вы мне нравитесь. Если бы можно было, я бы стала сражаться за вас. Я это умею.

Она протянула к нему свои маленькие ладошки и слегка улыбнулась.

— Не этим! — воскликнул Кент. — Я думаю, ваше оружие — глаза. О'Коннор рассказал мне, как они чуть не уколошили Кедсти, когда вы с ним встретились вчера под тополями.

Кент надеялся, что упоминание о Кедсти приведет девушку в замешательство. Ничуть не бывало. Во всяком случае, внешне.

— О'Коннор — это тот большой человек с красным лицом, что был с мистером Кедсти?

— Да, он мой напарник. Он вчера приходил сюда, распилился насчет ваших глаз. Они и правда красивые. Я никогда таких красивых глаз не видел прежде. Но не это поразило Баки, а то, какое впечатление они произвели на Кедсти. О'Коннор сказал, что у Кедсти все поджилки затряслись, а Кедсти не из тех, кого легко напугать. И самое странное: как только вы ушли, он тут же велел О'Коннору выпустить Мак-Триггера, а сам повернулся и пошел за вами. Весь тот день О'Коннор пытался что-нибудь разузнать о вас в поселке. Ни черта... То есть, простите, ничего ему никто не сказал. Мы прикинули и решили, что — неясно Почему — прячетесь вы

в хижине у Кедсти. Вы не сердитесь, что я все это болтаю, – простите умирающего.

Ему стало несколько не по себе от собственной откровенности. Он отдал бы все свое любопытство вместе с подозрениями О'Коннора за то, чтобы ее рука еще хоть на миг прикоснулась к его лбу. Но сказанного не вернешь, и он ждал, что ответит девушка.

Она опустила глаза и перебирала пальцами бахрому на подоле платья, а Кент мысленно прикидывал длину ее ресниц, представляя, что меряет их линейкой. Они были великолепны, и донельзя восхищенный Кент готов был поклясться, что длиной они не меньше дюйма. Внезапно девушка подняла глаза и успела заметить блеск в его взгляде и краску, выступившую из-под загара. Лицо девушки тоже зарделось.

– А если вы не умрете? – спросила она, упорно делая вид, что не слышала ни слова из того, что он говорил о Кедсти.
– Что тогда?

– Я умру.

– А если нет?

Кент пожал плечами:

– Ну что ж, тогда придется пить эту микстуру самому. Вы еще побудете здесь?

Она выпрямилась, сидя на самом краешке стула.

– Нет, я пойду. Мои глаза, боюсь, опасны. Вдруг я взгляну на вас, как на Кедсти, – тут вам и конец. А я не хочу присутствовать при вашей смерти.

Кент различил легкий смешок в ее голосе и похолодел. Прелестная кровожадная бестия! Он смотрел «па ее склоненную голову, на завитки блестящих волос. Если их распустить, они закроют ее всю. А какие мягкие и теплые! Ему снова захотелось коснуться их. Она была прекрасна, но явно бессердечна. Что-то дьявольское было в ее пренебрежении к тому, что он умирает. И никакого сострадания во взгляде этих прелестных глаз! Шутить над тем, что его вот-вот не станет!

Девушка встала и впервые за все время оглядела комнату. Затем взглянула в окно. Она была похожа на прекрасную молодую иву, склонившуюся над ручьем, – изящная, тонкая и сильная. Он мог бы взять ее на руки, как ребенка, но он видел в то же время, что в этом прекрасном теле таится сила, которая позволит ему долго сохранять свою красоту. Небрежная посадка ее головы совершенно очаровала его. За такую головку, за волосы, которые венчали ее, добрая половина всех женщин на земле отдали бы несколько лет жизни.

Не оборачиваясь, девушка вдруг произнесла:

– Когда я буду умирать, мне хотелось бы, чтобы это произошло в такой же комнате.

– Надеюсь, вы никогда не умрете, – сказал Кент вполне искренне.

Она вновь подошла к его постели и ненадолго остановилась около нее.

– Я прекрасно провела время, – сказала она, как будто он

занимался тем, что развлекал ее. – Как жаль, что вы умираете! Я уверена, что мы бы подружились. А вы как думаете?

– Да, конечно, приди вы пораньше...

– Обещаю отличать вас от прочих животных из мужского стада, – прервала его девушка. – Я, правда, не хочу видеть, как вы умрете. Я хочу уйти до того. Можно, я вас поцелую?

На мгновение Кенту показалось, что его аорта вот-вот не выдержит.

– Можно, конечно, – хрипло отозвался он.

– Тогда закройте, пожалуйста, глаза.

Кент повиновался. Девушка склонилась над ним. Кент почувствовал легкое прикосновение рук и на мгновение ощутил аромат ее кожи и волос. А потом ее трепетные губы, мягкие и теплые, прижались к его губам.

Когда он вновь взглянул на нее, она не смутилась, не покраснела. Будто младенца поцеловала, а теперь любит его красненьким личиком.

– До вас я целовалась только с тремя мужчинами, – призналась она. – Как интересно! Никогда не думала, что снова поцелую кого-нибудь. Теперь прощайте.

Она быстро пошла к двери.

– Подождите! – крикнул он жалобно. – Пожалуйста! Я хочу знать, как вас зовут. Маретт...

– Рэдиссон, – закончила она. – Маретт Рэдиссон. Я живу очень далеко отсюда. Мы называем это место Долиной Безмолвных Великанов.

Она указала на север.

– На севере! – изумился Кент.

– Да, далеко на севере. Очень далеко.

Она взялась за ручку двери. Дверь начала медленно открываться.

– Подождите! – снова взмолился Кент. – Останьтесь.

– Нельзя. Я слишком долго пробыла у вас. Напрасно я вас поцеловала. Не нужно было этого делать. Но никак не удержаться было – вы так прелестно лжете.

Дверь открылась и мгновенно закрылась за девушкой. Он слышал, как она почти бежит через холл, тот самый, где совсем недавно звучали шаги О'Коннора.

Затем наступила тишина, в которой ему слышались ее слова. Они стучали в его мозгу, как маленькие молоточки:

– Вы так прелестно лжете!

Глава 6

Наряду с прочими качествами, положительными и отрицательными, Джеймс Кент обладал редким даром весьма критично относиться к своим недостаткам. Однако никогда еще он не падал так низко в собственных глазах, как в тот момент, когда захлопнулась дверь за таинственной девушкой, о которой ему было известно лишь то, что ее зовут Маретт Рэдиссон. Сознание несомненного превосходства ее, казалось бы, полудетского ума охватило его с такой силой, что он, оставшись лежать в одиночестве на своей койке, покраснел до корней волос, прислушиваясь к быстрым удаляющимся шагам в коридоре.

Он, сержант Кент, самый хладнокровный после инспектора Кедсти полицейский офицер во всем дивизионе, чьи допросы приводили в ужас отпетых преступников, кто по праву заслужил свою репутацию тем, что умел спокойно и с невозмутимым самообладанием глядеть в лицо смертельной опасности, оказался побежденным – окончательно и бесповоротно! – неизвестной молоденькой девушкой, почти ребенком! И все же, несмотря на горечь поражения, беспристрастная оценка ситуации, хоть и не лишенной в чем-то доли комизма, вынуждала его отдавать должное победительнице. Весь позор заключался в признании того факта, что с ним сыграли предательскую шутку привлекательность и обаяние де-

вушки. Кент подтрунивал над О'Коннором, когда могучий штабс-сержант описывал эффект воздействия девичьих глаз на инспектора Кедсти. А теперь? Знал бы О'Коннор, что случилось здесь...

Впрочем, спасительное чувство юмора вскоре взяло верх. Кент поймал себя на том, что губы его неожиданно начинают расплываться в улыбку, а пунцовые от стыда щеки постепенно приобретают нормальную окраску. Его посетительница пришла и ушла, и он знал о ней сейчас ровно столько, сколько и до ее прихода, если не считать того, что у нее оказалось очень красивое имя – Маретт Рэдиссон. Кент принялся придумывать вопросы, которые ему хотелось бы задать ей, – дюжину, полсотни вопросов; например, следовало более подробно поинтересоваться, кто она такая, каким образом и с какой целью прибыла сюда, на Пристань; чем вызван ее интерес к Сэнди Мак-Триггеру; что за таинственные связи существуют между ней и инспектором Кедсти, – а в том, что они существуют, у Кента не было ни малейшего сомнения! – и, главное, каковы истинные причины, которые привели ее к нему, когда она узнала, что он умирает. Кент пытался утешить задетое самолюбие, убеждая себя в том, что обязательно выведал бы у нее все, если бы она не покинула его так неожиданно. Он просто не был к этому готов...

Кент не мог избавиться от навязчивого вопроса: зачем она приходила? В конце концов, это могло оказаться всего лишь проявлением любопытства. Но таковы ли отношения между

ней и Сэнди Мак-Триггером, что только любопытство побудило ее взглянуть на человека, который его спас? Вряд ли ее визит к нему обусловлен и чувством благодарности, поскольку она не пыталась выразить ее ни в какой форме. Она попросту насмеялась над ним у его смертного одра. Не могла она явиться и по поручению Мак-Триггера, иначе она доставила бы от него хотя бы записку. Кент даже начал сомневаться, знакома ли девушка вообще с этим человеком, хотя странные события, свидетелем которых был О'Коннор, казалось, говорили сами за себя. Зато с Кедсти она несомненно знакома. Девушка не ответила на полуобвинение в том, что она скрывается в доме инспектора. Кент нарочно употребил это слово – » скрывается «. А она так безразлично отнеслась к нему, словно и не слышала вовсе, хотя он отлично знал, что девушка слышала его вполне отчетливо! Вот тут-то она и продемонстрировала ему очаровательный трюк со своими удивительно длинными ресницами, широко распахнувшись, когда она наивно поинтересовалась:

– А что, если вы не умрете?

Кента даже бросило в жар при этом воспоминании, свидетельствующем о недюжинном интеллекте и почти гениальной гибкости и тонкости ее ума. И вместе с тем он ощутил, что приблизился к разгадке более глубокого смысла всего происшедшего. Ему показалось, что он понял, почему странная посетительница покинула его так неожиданно. Просто девушка почувствовала себя чересчур близко от критиче-

ской черты, переступать которую не намеревалась и не желала. Она не хотела, чтобы Кент знал определенные вещи или выпрашивал о них, и его дерзкий намек на то, что она скрывается в доме Кедсти, предупредил ее об опасности. А может, Кедсти сам и подослал ее в силу каких-то своих соображений, о чем Кент даже догадаться не мог? Одно можно было сказать с уверенностью: девушка приходила не из-за Мак-Триггера, человека, которого он спас. Иначе она хоть поблагодарила бы его каким-нибудь способом. Вряд ли она демонстрировала бы такое невозмутимое хладнокровие и очаровательное безразличие к тому незначительному факту, что находится у постели умирающего. Если бы свобода Мак-Триггера что-нибудь значила для нее, она по меньшей мере могла бы выразить Кенту хоть немного сочувствия. А ее самым большим комплиментом, если не считать поцелуя, было утверждение, что он великолепный лжец!

Кент недовольно поморщился и глубоко вздохнул, чувствуя тяжесть в груди. Почему все складывается так, что ему никто не верит? Почему даже эта таинственная девушка, которую он никогда не видел, вежливо обозвала его лжецом, когда он уверял ее, будто убил Джона Баркли? Неужели, для того чтобы ему поверили, необходимо носить на себе явное клеймо убийцы? Если так, то он никогда не замечал ничего подобного у других. Кое-кто из отъявленных преступников, которых он доставлял сюда из их укромных убежищ в низовьях реки, выглядел даже весьма привлекательно. Например,

Хорригэн, семь долгих тоскливых недель поддерживавший в нем хорошее настроение благодаря своим неистощимым шуткам и юмору, хотя ему отлично было известно, что Кент везет его на виселицу. А были еще Мак-Тэб, и le Be e Noire – Черная Бестия, – весьма добродушный бродяга, несмотря на тянувшийся за ним длинный список всяких неблаговидных дел, и Le Beau, джентльмен-грабитель почтовых дилижансов, и с полдюжины других, кого он мог бы вспомнить без малейшего усилия. Никто не обзывал их лжецами, когда, видя, что игра проиграна, они признавались в своих преступлениях, как и подобает настоящим мужчинам. Все они встретили смерть мужественно и достойно отправились в лучший мир; Кент уважал за это их память. А вот он умирает, – так его даже эта странная девица обзывает лжецом! Хотя ни одно дело не было более бесспорным, чем его собственное. Он безжалостно и дотошно перечислил уличающие его детали и обстоятельства. Все было аккуратно записано в протокол, черным по белому, и скреплено его собственноручной подписью. А ему по-прежнему не верят! Ну не странно ли это? Просто смешно, право! – думал Кент.

Пока юный Мерсер не открыл дверь и не вошел с поздним завтраком, Кент совсем забыл, что по-настоящему проголодался уже тогда, когда проснулся от прикосновения стетоскопа Кардигана к своей груди. Сперва Мерсер забавлял его. Розовощекий юный англичанин, только что прибывший с берегов» старой родины «, не умел скрывать своих чувств,

и на лице его явственно читалось, что всякий раз, входя в комнату Кента, он попадает в общество висельника. Как он признался Кардигану, его» зверски потрясла» эта история. Вынужденная необходимость кормить и умывать человека, который непременно умрет, но если выживет, то будет обязательно повешен, переполняла его особыми и порой весьма своеобразными эмоциями. Он словно прислуживал живому мертвецу, если нечто подобное можно было себе представить. А Мерсер именно так и представлял себе это. При чем его чувства тут же отражались на его физиономии и на манерах. Эта особенность Мерсера способствовала тому, что Кент постепенно научился использовать его в качестве барометра, определяющего настроение Кардигана и выдающего его секреты. Он ничего не говорил Кардигану, но пользовался своими наблюдениями просто ради развлечения и любопытства.

Нынче утром физиономия Мерсера была менее розовой, а выцветшие глаза стали еще менее выразительными, отметил про себя Кент. Кроме того, юный англичанин усердно принялся посыпать его яичницу сахаром вместо соли.

Кент расхохотался и схватил его за руку.

– Будешь подслащивать мою яичницу после моей смерти, Мерсер, – сказал он. – Но пока я жив, я предпочитаю, чтобы она была соленой! Знаешь, юноша, ты что-то плохо выглядишь сегодня утром! Неужели потому, что это мой последний завтрак?

– Что вы, нет, сэр, надеюсь, что нет, – поторопился возразить Мерсер. – Более того, я надеюсь, что вы будете жить, сэр!

– Благодарю, – сухо оборвал его Кент. – Где Кардиган?

– Инспектор прислал за ним нарочного, сэр. По-моему, доктор отправился к нему с визитом. Яичница хорошо прожарилась, сэр?

– Мерсер, если тебе когда-нибудь приходилось «служить лакеем в буфетной, забудь об этом сейчас, во имя неба! – взорвался Кент. – Я хочу, чтобы ты мне выложил кое-что прямоком и без всяких твоих реверансов. Сколько мне еще осталось?

Мерсер с минуту суетливо поерзал в замешательстве, и лицо его утратило еще несколько оттенков розового цвета.

– Не могу сказать, сэр. Доктор Кардиган мне не говорил. Но думаю, не слишком долго, сэр. Доктор Кардиган с самого утра весь вне себя. И отец Лайон готов навестить вас, сэр, в любой момент.

– Весьма признателен, – кивнул Кент, спокойно принимаясь за второе яйцо. – Да, кстати, а что ты думаешь о юной леди?

– Потрясающе, воистину потрясающе! – воскликнул Мерсер.

– В самую точку попал, – согласился Кент. – Действительно потрясающе. А ты случайно не знаешь, где она остановилась или зачем прибыла на Пристань?

Он понимал, что задает глупый вопрос, и вовсе не ожидал от Мерсера ответа; поэтому его удивило, когда тот сказал:

– Я слышал, как доктор Кардиган спрашивал ее, не окажется ли она нам честь еще одним визитом, и она ответила, что это невозможно, так как уплывает сегодня с ночным баркасом на север. В Форт-Симпсон, кажется, – так она сказала, сэр!

– Пусть тебе черти кажутся! – Кент едва не поперхнулся кофе, вздрогнув от неожиданного известия и пролив на салфетку немного ароматного напитка. – Постой-ка, да ведь туда посылают штабс-сержанта О'Коннора?

– Так и доктор Кардиган сказал ей, я слышал. Но она ничего не ответила на это. Просто повернулась и ушла. Если вы не против небольшой шутки в вашем теперешнем состоянии, сэр, я бы сказал, что доктор Кардиган был буквально вне себя от нее. Чертовски хорошенькая девушка, сэр, чертовски! По-моему, он влюбился с первого взгляда!

– Вот теперь ты заговорил по-человечески, Мерсер! Так говоришь, она была хорошенькая?

– Э-э... изумительно хороша, мистер Кент, – согласился Мерсер, внезапно покраснев до корней волос. – Не скрою, появление ее здесь, в таком неподходящем месте, было весьма ошеломляющим.

– Согласен с тобой, дружище Мерсер, – кивнул Кент. – Она и меня ошеломила. И – послушай-ка, старина! – не окажешь ли ты бедному умирающему самую большую услугу, о которой он когда-либо просил в своей жизни?

– Я был бы весьма счастлив, сэр, весьма!

– В таком случае, – сказал Кент, – мне хотелось бы узнать, действительно ли девушка уплывает на баркасе вниз по реке сегодня ночью? Если к завтрашнему утру я буду еще жив, ты сообщишь мне об этом, ладно?

– Я сделаю все, что смогу, сэр.

– Отлично. Это просто глупая прихоть умирающего, Мерсер. Но мне хотелось бы потешить свое любопытство. Только, видишь ли... я очень застенчивый... да ты и сам такой, так что вполне меня поймешь. Не надо, чтобы Кардиган знал о моей просьбе. Есть тут один старый индеец по имени Муи; он живет в лачуге за лесопилкой. Дай ему десять долларов и скажи, что столько же он получит, если справится с заданием и обо всем по порядку доложит тебе, – ну и, конечно, если не будет потом болтать. Вот – возьми деньги у меня под подушкой.

Кент вытащил бумажник и вручил Мерсеру пятьдесят долларов.

– На остальные купишь себе сигар, старина. Мне деньги больше ни к чему. А та безделица, которую ты готов устроить для меня, этого стоит. Можешь считать, что я решил прокутить свои деньги напоследок!

– Спасибо, сэр. Это очень любезно с вашей стороны!

Мерсер принадлежал к классу» бродячих англичан «, типичных для Канадского Запада, тех самых, что порой заставляют истинных канадцев удивляться, почему огромная

и прекрасная страна вроде их собственной должна цепляться за метрополию и оставаться верной» доброй старой родине «. Лстивый и заискивающий, неизменно приторно вежливый, он производил впечатление отлично вышколенного слуги, но если бы ему намекнули на это, он был бы в высшей степени возмущен. Кент прекрасно изучил характеры и повадки людей подобного сорта. Он встречал их в разных местах, ибо одним из необъяснимых качеств, характеризующих их, было безрассудство и явное отсутствие самокритичности. Мерсеру, например, скорее пристало бы занимать какую-нибудь мелкую чиновничью должность в городе, а он тут, в самом центре лесной глуши, выполняет роль сиделки!

После того как Мерсер ушел, унося посуду и деньги, Кент перебрал в памяти кое-какие из его отличительных черт. Он знал, что у подобных типов под внешней оболочкой кажущейся услужливости скрываются наглость и дерзость, нуждающиеся лишь в соответствующем стимуле, чтобы пробудиться. А пробудившись, они делают этих людей чрезвычайно активными, особенно в сомнительных, плутовских и подпольных аферах. Такие люди ни за что не встанут открыто под дуло пистолета, отстаивая честное и правое дело. Но они проползут на брюхе под прицелом орудий темной ночью, когда их никто не видит. И Кент был уверен, что его полсотни долларов принесут ему ожидаемый результат, – если он доживет до этой минуты.

Зачем ему понадобились сведения, за которыми он решил

поохотиться, Кент и сам бы не смог себе объяснить. Любимым афоризмом его и О'Коннора было утверждение, что» они добиваются успеха собственным горбом». И его предложение Мерсеру было сделано экспромтом в порыве вдохновения, основанного именно на практике, добытой «горбом». Утро принесло ему неожиданный сюрприз, вызвавший в нем необычное волнение, и теперь он лежал, откинувшись на подушки, пытаясь осмыслить его и не думать по мере возможности о том печальном событии, что ждет его в ближайшие несколько часов. Но он не мог избавиться от ощущения тупого давления в груди. Казалось, оно постоянно нарастало и усиливалось. Время от времени Кент должен был прилагать существенные усилия, чтобы наполнить легкие достаточным количеством воздуха.

Он поймал себя на том, что прикидывает, насколько реальна возможность возвращения девушки. Он долго лежал, размышляя о ней, и в конце концов ему пришла в голову потрясающая мысль, что судьба сыграла с ним нелепую шутку весьма дурного вкуса, оставив подобное приключение на конец его жизни. Встретить он девушку месяцев шесть тому назад – или даже три, – и кто знает, возможно, она так изменила бы течение его жизни, что он не получил бы в грудь роковую пулю метиса-полукровки. Кент признал это, даже не краснея. Место женщины в его жизни заняли дикие просторы и лесные дебри. Они овладели им целиком, душой и телом. Ему не нужно было ничего, кроме их дикой свободы

и бесконечного калейдоскопа неповторимых случайностей. Он мечтал, как мечтает любой мужчина, – но не мечты, а реальная действительность являлась живительной силой его существования, И тем не менее, если бы девушка появилась раньше...

Кент вновь и вновь рисовал в памяти ее волосы и глаза, ее тонкую фигуру, стоящую у окна, ее независимую осанку, гордую посадку головы, – и вновь он ощущал трепет ее рук и еще более восхитительный трепет губ, теплых и нежных, прижавшихся к его собственным губам.

И она была родом с Севера! Именно эта мысль особенно потрясла Кента. Он не смел даже заподозрить ее в том, что она могла сказать ему неправду. Он был уверен, что если доживет до завтрашнего дня, то Мерсер подтвердит его веру в нее. Ему никогда не приходилось слышать о местности под названием «Долина Безмолвных Великанов», но страна, в которой он жил, была огромной, и Форт-Симпсон с расположенными на его территории постом Компании Гудзонова залива и полудюжиной барачных строений находился в тысячах миль от Пристани на Атабаске. Кент не был уверен, что такое место, как эта долина, действительно существует. Легче было поверить, что родной дом девушки находится в Форт-Провиденсе, в Форт-Симпсоне, в Форт-Гуд-Хопе или даже в Форт-Макферсоне. Ему совсем нетрудно было вообразить ее дочерью какого-нибудь северного богача, хозяина фактории. Впрочем, это предположение он отбросил как

безрассудное. Слово «форт» не означало здесь «поселение», и, пожалуй, на всех постах между Большим Невольничьим озером и Северным проливом не набралось бы и полусотни белых людей. Девушка не была одной из них, иначе об этом знали бы здесь, в Пристани на Атабаске.

Не могла она быть и дочерью речника, ибо трудно было себе представить, чтобы какой-нибудь речник или охотник отправил дочку учиться уму-разуму в цивилизованные края, где девушка, несомненно, побывала. Именно последний пункт главным образом интриговал Кента. Девушка была не только красивой и обаятельной. Она обучалась в школах, где преподаватели отнюдь не туземные миссионеры. Кенту показалось, будто в ней он увидел очарование и дикую свободу лесных просторов, словно она явилась к нему из самых недр старой аристократии, зародившейся почти две сотни лет тому назад в древних городах Квебеке и Монреале.

Память его сделала скачок на пару десятилетий назад; он вспомнил время, когда сам исследовал каждый уголок и каждую щель древнего города Квебека и стоял над могилами двухсотлетней давности, в глубине души завидуя той жизни, которую прожили погребенные здесь мертвые. В ряду прочих городов Квебек всегда виделся ему куском редкого, пожелтевшего от времени старинного кружева, – древнее сердце Нового Света, все еще бьющееся, все еще нашептывающее легенды о своем прежнем могуществе, все еще живущее воспоминаниями о своих приглушенных временах ро-

мантических историях, о своих почти позабытых трагедиях, – призрак, который все еще живет, который все еще дерзко и вызывающе отражает разрушительное наступление модернизма, оскверняющего его святыни. Кенту приятно было думать о Маретт Рэдиссон как о живой душе этого города, стремящейся на север, все дальше на север, – в то время как некая нечестивая душа из Пристани на Атабаске готовится покинуть земную юдоль, чтобы отправиться в еще более далекие странствия...

Чувствуя, что благодаря этим мыслям предстоящий путь стал для него наконец значительно проще и ярче, Кент улыбнулся сверкающему великолепию роскошного дня и тихо прошептал, словно девушка находилась рядом, подслушивая его:

– Если бы я был жив... я назвал бы вас... мой маленький Квебек. Оно прекрасно, это имя. Оно многого стоит. Так же, как и вы...

А за дверью в коридоре, пока Кент шептал эти слова, молча и неподвижно стоял отец Лайон; в лице его не было ни кровинки, чего с ним никогда не случалось при столь будничном для него событии, как встреча с предстоящей смертью. Подле него стоял Кардиган, постаревший лет на десять с тех пор, как сегодня утром приставил стетоскоп к груди Кента. За ними хмурился Кедсти с серым, словно каменным лицом, и замыкал группу юный Мерсер, в чьих выпученных глазах отражался страх перед тем, чего он еще не в состо-

янии был до конца уразуметь. Кардиган попытался заговорить, но не смог. Кедсти стер пот со лба, точно так же, как в то утро, когда Кент давал свои показания. А отец Лайон, направляясь к двери в палату Кента, тихонько шептал про себя молитву.

Глава 7

Кент оторвался от окна, от созерцания великолепного солнечного дня снаружи, от образа Маретт Рэдиссон, который он нарисовал в своем воображении, и обернулся на звук медленно отворяющейся двери. Он ожидал этого. Юный Мерсер был для него открытой книгой. По тому, как тот нервничал, да еще по усиливавшемуся давлению в груди Кент догадывался, что его время наступило. Это должно было случиться очень скоро, а следовательно, к нему уже идет отец Лайон. Кент попытался улыбнуться, чтобы мужественно и приветливо встретить своего друга по диким лесным краям. Но улыбка замерла у него на губах, когда дверь отворилась и он увидел стоявшего на пороге миссионера. Не раз он сопровождал отца Лайона в места, где властвует смерть, но никогда прежде не замечал в лице маленького священника того, что увидел сейчас. Кент пристально взглянул на него. Миссионер продолжал стоять в дверях, словно колебался, как будто великий страх в последний момент удерживал его от решительного шага. Некоторое время оба мужчины в напряженном молчании смотрели друг на друга. Затем отец Лайон неторопливо вошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

Кент облегченно вздохнул и попытался улыбнуться.

– Вы пробудили меня ото сна, – сказал он. – Сон наяву. У

меня была очень приятная встреча сегодня утром.

– Кое-кто уже пытался сообщить мне об этом, Джимми,
– ответил коротышка миссионер, сисясь изобразить на лице
ответную улыбку.

– Мерсер?

– Да. И под большим секретом. Бедняга, очевидно, влюбился не на шутку в некую юную особу.

– И я тоже, топ реге. Могу вам в этом исповедаться. Кстати, я даже весьма рад этому. Если бы Кардиган не внес меня в списки приговоренных к смерти...

– Джимми, – внезапно охрипнув, прервал его миссионер,
– а не задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что доктор Кардиган может ошибиться?

Он взял Кента за руку и крепко сжал ее. Пожатие его ладоней постепенно усиливалось, так что в конце концов стало даже больно. И, глядя в глаза священнику, Кент вдруг почувствовал, что его сознание, словно унылое мрачное помещение, внезапно осветилось ослепительной вспышкой света. Капля по капле кровь отливала от его лица, пока оно не стало еще белее, чем лицо отца Лайона.

– Вы... вы не... хотите сказать...

– Да, да, мой мальчик, я именно это и хочу сказать,
– странным, не похожим на обычный голосом проговорил миссионер. – Вы не умрете, Джимми! Вы будете жить!

– Жить! – Кент в изнеможении откинулся на подушки. – Жить!..

Губы его шептали это единственное слово.

Он на секунду закрыл глаза, и ему почудилось, будто весь мир вспыхнул ярким огнем. И он опять беззвучно, одними губами, повторял заветное слово: «Жить!» Его нервы, напряженные до предела в ожидании смертного часа, начали сдавать, не в силах справиться с чудовищным потрясением. На мгновение Кент почувствовал сильную тошноту и головокружение. Он открыл глаза и увидел лишь сплошную туманную зеленую мглу там, где в окне должен был находиться весь мир. Но голос отца Лайона он слышал. Казалось, он долетал откуда-то издалека, хотя был очень ясен и разборчив. Доктор Кардиган допустил ошибку, говорил голос. И доктор Кардиган из-за этой ошибки переживает так, словно у него отняли сердце. Тем не менее ошибка его простительна... Если бы здесь имелась рентгеновская установка... Но нет здесь ничего подобного! И доктор Кардиган поставил тот диагноз, на котором остановились бы девять из десяти лучших хирургов. То, что он принял за кровоток в аневризме, оказалось усиленным сердечным шумом, а нараставшее внутригрудное давление было всего лишь осложнением, легким бронхитом, вызванным незначительной простудой. Очень жаль, что произошла ошибка. Но он не должен слишком строго винить доктора Кардигана!..

Он не должен винить Кардигана! Эти последние слова, точно бесконечные вереницы мелких волн, разбивающихся о береговой песок, непрерывно наплывали и откатывались от

сознания Кента. Он не должен винить Кардигана! Кент расхохотался – расхохотался прежде, чем его оглушенные чувства пришли в норму, прежде чем мир в окне снова приобрел свои незыблемые формы. Во всяком случае, ему показалось, что он расхохотался. Он... не... должен... винить... Кардигана! Какую забавную глупость сморозил отец Лайон! Винить Кардигана в том, что он вернул ему жизнь? Винить его за радость сознания, что он не приговорен к смерти? Винить его за...

Ситуация начала проясняться. Словно затвор винтовки, легко скользящий на свое место, мысли в мозгу Кента вновь обрели прежний порядок и четкость. Он снова видел отца Лайона, его белое, напряженное лицо и глаза, глядевшие на него все с тем же выражением страха и растерянности, которое он заметил еще в дверях. И только теперь Кент полностью осознал всю правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.